

**ДОНИШГОҲИ ДАВЛАТИИ ХУЧАНД
БА НОМИ АКАДЕМИК БОБОҶОН ҒАФУРОВ**

Бо ҳуқуқи дастнавис

ВБД: 891.550 (83.3-М-85)

МУҲАММАДЗОДА МАЪРИФАТ МУҲАММАДҶОН

**МАСЪАЛАҲОИ МАТНШИНОСӢ ВА ПОЭТИКИИ ДОСТОНИ
«ҲУМОЙ ВА ҲУМОӢЮН»-И ХОҶУИ КИРМОНӢ**

Автореферати

диссертатсия барои дарёфти дараҷаи илмии
номзади илмҳои филологӣ аз рӯйи ихтисоси 10.01.00 – Адабиётшиносӣ
(10.01.08 – Назарияи адабиёт. Матншиносӣ, нусхашиносӣ)

Душанбе – 2025

Диссертатсия дар кафедраи адабиёти классикии тоҷики МДТ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров» омода гардидааст.

Рохбари илмӣ:

Тоҷибоев Шарифҷон Ғайбуллоевич – номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи адабиёти классикии тоҷики МДТ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров».

Муқарризони расмӣ:

Асозода Ҳотам Раҷаб – доктори илмҳои филологӣ, дотсент, директори генералии Муассисаи давлатии «Мучтамаи ҷумҳуриявии осорхонаҳои Кӯлоб»;

Боев Шавкат Элмуродович – номзади илмҳои филологӣ, дотсенти кафедраи назария ва таърихи адабиёти Донишгоҳи байналмилалӣ забонҳои хориҷии Тоҷикистон ба номи Сотим Улуғзода

Муассисаи пешбар:

Институти забон ва адабиёти ба номи Рӯдакии Академияи миллии илмҳои Тоҷикистон

Ҳимояи диссертатсия «25»-уми феввали соли 2026, соати 15:00 дар маҷлиси шурои диссертатсионӣ 6D.KOA-099-и назди Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон ба номи Садриддин Айнӣ (суроға: 734003 Ҷумҳурии Тоҷикистон шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ 121, толори шуроҳои диссертатсионӣ) баргузор мегардад.

Бо диссертатсия дар китобхонаи марказии Донишгоҳи давлатии омӯзгории Тоҷикистон (734003, шаҳри Душанбе, хиёбони Рӯдакӣ, 121) ва тавассути сомонаи www.tnu.tj шинос шудан мумкин аст.

Автореферат рӯзи «_____» _____ соли 2026 фиристода шудааст.

**Котиби илмӣ шурои диссертатсионӣ,
номзади илмҳои филологӣ, дотсент**

Суроға: ш. Душанбе, н. Исмоили Сомонӣ, кӯч. Сурхоб 5.

E-mail: abduhamid.shoev@mail.ru

Телефон: (+992) 935364303

Шоев А.А.

Мукаддима

Мубрамии мавзуи таҳқиқот. Таърихи адабиёти форс-тоҷик дар саҳифаҳои дурахшони хеш ному корномаи адибони зиёдеро маҳфуз доштааст, ки бо осори мондагори хеш барои рушду нумуи назму насри форс-тоҷик саҳми арзанда гузоштаанд. Ҳаёт ва фаъолияти эҷодии иддае аз ин суҳанварони форс-тоҷик ҳам адабиётшиносии ватанӣ ва ҳам дар ховаршиносии ҷаҳонӣ комилан, ба таҳқиқ расида, вижагиҳои хунариву мактаби суҳанвари онҳо низ ба риштаи пажӯҳиш кашида шудаанд. Аммо аҳволу рӯзгор ва масъалаҳои матншиносӣ нусхашиносӣ ва поэтикии осори бархе аз суҳанварони форс-тоҷик то ҳанӯз аз доираи пажӯҳишҳои илмӣ дур мондаанд ва ё камтар мавриди таваҷҷуҳ қарор гирифтаанд.

Камолиддин Абулато Маҳмуд ибни Алӣ ибни Маҳмуд Муршидии Ҳочуи Кирмонӣ, ки дар таърихи адабиёт ба унвони Ҳочуи Кирмонӣ машҳур аст, аз шумори ҳамин гуна адибонест, ки рӯзгору осораи аз мадди назари адабпажӯхон то андозае дар қанор мондааст. Ҳочуи Кирмонӣ аз намояндагони барҷастаи адабиёти форс-тоҷики асри XIV, ҳамзамони бузургтарин ғазалсароёни мо – Ҳоҷа Ҳофиз Шерозӣ ва Шайх Камоли Хучандӣ мебошад. Ҳочуи Кирмонӣ дар сурудани ғазал маҳорати баланд доштааст ва Ҳофиз аз тарзи ғазалсароии ин шоири Кирмонӣ таъсири бисёр пазируфтааст. Имрӯз мо дар девони Ҳоҷа Ҳофиз бисёр абётеро мебинем, ки ба тақлид ё ба истиқбол аз ғазалҳои Ҳочуи суруда шудаанд. Ҳатто Ҳофиз Шерозӣ бо он ҳама бузургворӣ ва азамате, ки дар сурудани ғазал дорад, сабку шеваи суҳанофаринии хешро монанд ба «тарзи суҳани Ҳочу» доништааст:

Устои ғазал Саъдист пеши ҳама кас, аммо

Дорад суҳани Ҳофиз тарзи суҳани Ҳочу [42, с. 227].

Дар мавриди муносибати эҷодии Ҳоҷа Ҳофиз ва Ҳочуи Кирмонӣ пажӯҳишҳои вижаву таҳассусӣ низ анҷом шудаанд, ки дар ин росто қайдҳои Шиблии Нуъмонӣ дар «Шеър-ул-Аҷам» [25, с. 186] дар дараҷаи аввал қарор доранд. Муҳаққиқони эронӣ Муҳаммад Муин [22, с. 512], Баҳоуддини Хуррамшоҳӣ [40, с. 123, 154, 168] ва адабиётшиноси тоҷик Камол Айнӣ [1; 2; 3] низ дар ин маврид пажӯҳишҳои ҷолиберо ба субут расонидаанд.

Давлатшоҳи Самарқандӣ дар бораи Ҳочуи Кирмонӣ навиштааст: «Аз бузургзодагони Кирмон буда, соҳибфазлу хушгӯ аст. Ва суҳани ўро фозилон ва бузургон дар фасоҳату балоғат беназир медоранд ва ўро нахлбанди шуаро меноманд» [29, с.238]. Бо ин ҳама, дар баёни аҳволу рӯзгор, шинохти баъзе паҳлуҳои номи асливу лақабу унвонҳои ифтихорӣ ва осори ин суҳанвари мумтоз то ҳанӯз соярӯшаниҳои зиёде мавҷуданд. Хосса, мақоми Ҳочуи Кирмонӣ дар идомаи анъанаи сурудани дostonҳои ишқӣ дар адабиёти форс-тоҷик ба таври қомил нишон дода нашудааст. Ҳол он ки Ҳочуи Кирмонӣ дар сурудани дostonҳои ишқӣ-романтикӣ дасти тавоно дошта, дар ин самт ду дostonи аз нигоҳи мавзӯ нав, ки то ў дар назми классикии форс-тоҷик собика надоштанд, таълиф намудааст, ки инҳо «Ҳумой ва Ҳумоюн» ва «Гул ва Наврӯз» мебошанд.

Дар бораи дostonи дувумӣ – «Гул ва Наврӯз» дар адабиётшиносии ватанӣ хориҷӣ то кунун пажӯҳишҳои доманадор анҷом ёфтаанд [32; 33; 34; 4;

5; 20; 35]. Аммо дар хусуси достони нахустини Хоҷуи Кирмонӣ – «Ҳумой ва Ҳумоюн» кори таҳқиқи вижае, ки ба баррасии масъалаҳои матншиносӣ ва хусусиятҳои ғоявию бадеии асар ихтисос ёфта бошад, то ҳанӯз ба миён наомадааст. «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хоҷуи Кирмонӣ дар Эрон ва Тоҷикистон то кунун се бор интишор ёфтааст, вале ҳеҷ яке аз онҳо то ба имрӯз аз нигоҳи матншиносӣ баррасӣ нашудаанд. Ин достон ҳарчанд аз нигоҳи мавзӯ ба силки достонҳои суннатии ишқӣ дохил мешавад, аммо аз нигоҳи шакливу сохторӣ то ҳадде аз ин қабил достонҳои адабиёти форс-тоҷик бартарӣ дорад. Хоҷуи Кирмонӣ дар ин асари хеш баъзе аз қолабҳои маъмули достонсароии то даврони худ бударо шикаста, як навъ ибтикору навовариеро ба намоиш гузоштааст, ки инҳо аз баррасии амиқи илмӣ дар канор мондаанд. Гузашта аз ин, ҷанбаҳои ҳунариву зебоишиносӣ ва сабки достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хоҷуи Кирмонӣ, ки ўро бо унвонҳои ифтихории «нахлбанди шуаро»-ву «халлоқ-ул-маъонӣ» ва «малик-ул-фузало» ёд менамоянд, то ҳанӯз пурра шинохта нашудаанд. Хоҷуи Кирмонӣ дар «Ҳумой ва Ҳумоюн» дар қорбурди орояҳои бадеӣ қареҳаи ғавқулода нишон дода, дар ин замина сабку услуби хоссеро аз худ зоҳир намудааст, ки дар таърихи адабиёти форсу тоҷик шоистаи тааммул ва омӯзиш аст. Аммо то ҳол дар адабиётшиносии тоҷик ба таҳқиқу баррасии ин мавзӯ таваҷҷуҳи зарурӣ зоҳир нашудааст. Ба ҳамин ваҷҳ, баррасии масъалаҳои матншиносии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хоҷуи Кирмонӣ ба таври кулӣ ва муайян намудани вижаҳои поэтикии асар ба таври ҷузъӣ зарурат ва аҳаммияти интиҳоби мавзӯи диссертатсияро фароҳам овардааст.

Дарачаи таҳқиқи мавзӯи илмӣ. Дар адабиётшиносии ватаниву хориҷӣ аҳволу осори Хоҷуи Кирмонӣ таваҷҷуҳи муҳаққиқони зиёди ватаниву хориҷиро аз қабилҳои Ч.П. Рё, П. Ҳаммер, Б.А. Дорн, Ҳ. Эте, Ф.И. Эрдман, Ш. Шефер, И. Питси, Э. Браун, А. Кримский, Я. Рипка, Е.Э. Бертелс, И.С. Брагинский, Е.М. Мелетинский, А. Назир, С. Нафисӣ, В. Дастгирдӣ, З. Сафо, С. Хонсорӣ, С.Н. Кирмонӣ, Ҳ. Масрур, Н. Аҳмад, Т. Биниш, М. Мудаббирӣ, М. Муин, Ғ. Алиев, Ф. Копрулу, М. Кязимов, Б. Гулиева, З.А. Аллахвердиева, Н. Сайфиев, К. Айни, Ш. Раҳмонов, Ҷ. Саидзода, Ш. Тоҷибоев, Ф. Нуруллозода, Б. Раҳматов, А.Б. Сагторов, П. Додохоҷаева ва ғайра ба худ ҷалб намудааст. Бояд гуфт, ки ин муҳаққиқон аз ҷанд нигоҳ ба рӯзгору сори Хоҷу таваҷҷуҳ зоҳир кардаанд, ки метавон онҳоро ҷунин табақабандӣ намуд:

1. Иттилооти тазкираҳо.
2. Ахбори мураттибони феҳристи осори хаттӣ.
3. Маълумоти донишномаҳо.
4. Муқаддимаи тартибдиҳандагон ва ноширони девони ашъори шоир ва «Ҳамса»-и ӯ.
5. Мақолоти гуногун дар маҷаллаҳо, конференсҳо, маҷмуи мақолаҳо ва ғ.
6. Пажӯҳишоти алоҳида.

Дар бораи аҳволу осори Хоҷуи Кирмонӣ иттилооти тазкираҳои асри миёнагӣ ҷун манобеи муҳими адабиётшиносӣ хидмат мекунанд. Ҳарчанд маълумоти ин сарчашмаи адабиро наметавон ба сифати таҳқиқоти илмӣ пазируфт, вале маҳз ахбори онҳо барои муайяну муназзам намудани аҳволу осори адибон, аз ҷумла Хоҷуи Кирмонӣ дорои аҳаммиятанд. Доир ба аҳволу

осори Хочуи Кирмонӣ тазкираҳои «Оташкада»-и Лутфалибеки Озар, «Таърихи Нигористон»-и Қозӣ Аҳмади Ғаффорӣ, «Тазкират-уш-шуаро»-и Давлатшоҳи Самарқандӣ, «Майхона»-и Мулло Абдуннабии Қазвинӣ, «Райҳонат-ул-адаб»-и Муҳаммад Алии Мударрисӣ Табретӣ ва ғайра маълумот додаанд, ки хеле мухтасар ва аксаран, аз қайду ишороти пароканда иборат буда, дар бештари вақт такрори якдигаранд ва дар баъзе мавридҳо аз нуқсу камбудӣ низ ӯрӣ нестанд.

Дар адабиётшиносии тоҷик низ чанд таҳқиқи муфиди илмие роҷеъ ба баъзе пахлуҳои зиндагӣ ва осори Хочуи Кирмонӣ анҷом ёфтаанд, ки дар сарғаҳи ин таҳқиқот як силсила мақола ва корҳои матншиносии Камол Айнӣ қарор мегирад. Устод Камол Айнӣ аз охири солҳои шастуми асри гузашта ба осори Хочуи Кирмонӣ тавачҷуҳ зоҳир намуда, ашъори мунтахаби шоирро тартиб додааст [19]. Баъдан, вай ба нашру таҳияи достонҳои Хочу шуруъ намуда, дар хоҷушиносӣ қадами устувор ниҳодааст. Матни интиқодӣ ва таҳқиқи достонҳои машҳури Хочуи Кирмонӣ «Ҳумой ва Ҳумоюн» [Техрон, 1969, 1999], «Гул ва Наврӯз» [Техрон, 1972, 1991], ки дар асоси манбаъҳои нодир аз осорхонаҳои Иттиҳоди шуравӣ, Англия ва Эрон тадвин ва таҳия шудаанд, аз ҷумлаи онҳо мебошанд [12; 13].

Ҳарчанд аҳволу осори Хочу мавриди тавачҷуҳи муҳаққиқон гардида, девони ашъор ва достонҳои «Ҳамса»-и ӯ чоп шудаанд, вале то ҳанӯз ягон аз достонҳои панҷгонаи ӯ мавриди таҳқиқи алоҳида қарор нагирифта, аз нигоҳи матншиносӣ нусхашиносӣ ва вижагиҳои поэтикӣ таҳқиқ нашудаанд.

Робитаи таҳқиқот бо барномаҳо ва мавзӯҳои илмӣ. Мавзуи кори диссертатсионӣ дар асоси нишондоди қарори Ҳукумати Ҷумҳурии Тоҷикистон аз 26 сентябри 2020, №503 «Дар бораи самтҳои афзалиятноки таҳқиқоти илмӣ ва илмию техникӣ дар Ҷумҳурии Тоҷикистон барои солҳои 2021-2025» ва Барномаи дурнамои корҳои илмӣ-таҳқиқотии кафедраи адабиёти классикии тоҷики МДТ «Донишгоҳи давлатии Хуҷанд ба номи академик Бобочон Ғафуров» мувофиқ ба самти «Матншиносӣ, таҳияву тасҳеҳ ва наشري осори адабӣ» анҷом ёфтааст.

Тавсифи умумии таҳқиқот

Мақсади таҳқиқот. Моҳияти кори диссертатсиониро масъалаи арзёбии ҷанбаҳои матншиносӣ ва поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хочуи Кирмонӣ ташкил менамояд. Бо назардошти фароғии масъалаи ёдшуда нақду баррасии нусхаҳои хаттӣ ва чопшудаи достони мавриди назар ва сохтору сарчашма ва вижагиҳои адабию бадеӣ ва услубии он аз нигоҳи маҳорати адабӣ муҳимтарин ҳадафи диссертатсия ба ҳисоб меравад.

Вазифаҳои таҳқиқот. Диссертатсия бо мақсади муайян намудани масъалаҳои матншиносӣ ва хусусиятҳои поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хочуи Кирмонӣ, ҳосса муаррифии нусхаҳои хаттӣ ва нашрҳои тасҳеҳ ва чопшудаи достон, таҳқиқи маншаъ ва сарчашмаи асар, сохтору мундариҷа, навовариву ибтикороти шоир, таъсирпазирии муаллифи достон аз достоннависони қаблӣ, шеваи баён ва сабки нигориши асар таълиф ёфтааст. Зимни баррасии мавзуоти мазкур таҳқиқи аҳволу рӯзгор ва осори Хочу бо диду

назари нав, дар пояи сарчашмаҳои дараҷаи аввал ва тоза, сурат гирифт, ки баҳри густурдатар баён намудани ҳадафи аслии таҳқиқ пешзаминаро муҳайё намуд. Барои расидан ба ҳадафи аслии ва ҳалли пурраи мавзӯ анҷоми вазифаҳои зерин мадди назар қарор гирифтаанд:

- нигоҳи тоза ба аҳволу рӯзгори Хоҷуи Кирмонӣ, номи аслии, лақабу унвонҳои фахрӣ ва таҳаллуси адабии ӯ, ки боиси нуфузи манзалати фардӣву ҳунарии ӯ шудаанд, бар асоси сарчашмаҳои адабӣву таърихӣ;

- баррасии мероси адабӣ ва таълифоти муҳимтарини Хоҷуи Кирмонӣ ва ҷойгоҳи онҳо дар таърихи адабиёти форсу тоҷик;

- шинос намудани нусхаҳои қаламӣи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и мавҷуд дар китобхонаҳои машҳури олам дар пояи феҳристҳо ва қиёси маълумоти феҳристнигорон;

- нақду баррасии нусхаҳои тасхеху чопшудаи «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хоҷуи Кирмонӣ ва ҷойгоҳи онҳо дар таърихи адабиёт ва матншиносии форсу тоҷик;

- муайян намудан сарчашма ва маншаи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» ва собиқаи зуҳури асомии қаҳрамони асосии достон дар адабу фарҳанги форсу тоҷик;

- таҳқиқи вижагиҳои сохтори асар ва муайян намудани таъсирпазирӣ ба ҳабабардорӣ ва суннатшиканиву навоариҳои шоир дар таълифи достон;

- пажӯҳишу таҳлили мавзӯ ва муҳтавои достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» ва муқаррар намудани вижагиҳои мавзӯӣву ғоявии асар;

- баррасии таъсирпазирӣ Хоҷуи Кирмонӣ аз маснависароёни пеш аз худ ва муайян сохтани умумият ва фардияти достоннависии шоир;

- муайян намудани саҳми Хоҷуи Кирмонӣ дар инкишофи достонҳои ишқӣ-романтикӣ;

- таъйини вижагиҳои сабкӣ, шеваи баён ва қорбурди саноеи бадеӣ дар достон.

Объекти таҳқиқот. Объекти асосии таҳқиқотро мероси адабии Хоҷуи Кирмонӣ, махсусан достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и ӯ ташкил медиҳад.

Предмети таҳқиқот муайян кардани масъалаҳои матншиносӣву поэтикӣи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хоҷуи Кирмонӣ ба ҳисоб меравад.

Асосҳои назарии таҳқиқот. Асосҳои назарии таҳқиқоти диссертатсионӣ ба дастовардҳои илмӣи олимони шарқшинос ва адабиётшиносони ватанӣву хориҷӣ, ба монанди Ч.П. Рё, П. Ҳаммер, Б.А. Дорн, Ҳ. Эте, Ф.И. Эрдман, Ш. Шефер, И. Питси, Э. Браун, А. Кримский, Я. Рипка, Е.Э. Бертелс, И.С. Брагинский, Е.М. Мелетинский, С. Нафисӣ, В. Дастгирдӣ, З. Сафо, С. Хонсорӣ, А. Родфар, С.Н. Кирмонӣ, Ҳ. Масрур, Н. Аҳмад, Т. Биниш, М. Мудаббирӣ, Ғ. Алиев, Ф. Копрулу, М. Кязимов, А. Мирзоев, Р. Ҳодизода, К. Айни, Х. Мирзозода, А. Афсаҳзод, Х. Шарифов, Н. Сайфиев, А. Насриддинов, Н. Салимӣ, Н. Абдолов ва дигарон бунёд ёфтааст.

Асосҳои методологии таҳқиқот. Диссертатсия бар асоси усулҳои маъмули адабиётшиносӣ, ба монанди методҳои муқоисавӣ-таърихӣ, таҳлилий-оморӣ, матншиносӣ, концепсияи таҳлили забону услуби асари бадеӣ ва таҳқиқи сохтори асари бадеӣ навишта шудааст.

Сарчашмаҳои таҳқиқот. Пажӯҳиш ва таҳқиқи рӯзгору осори Хочуи Кирмонӣ, пеш аз ҳама, бар асоси осори худи адиб, ки дар радаи аввал «Девони ашъор» (ба тасҳеҳи Аҳмад Суҳайлии Хонсорӣ) ва маснавиҳои ӯ, мисли «Гул ва Наврӯз», «Равзат-ул-анвор», «Камолнома» ва «Рисолат-ул-бодия» қарор доранд, сурат гирифтааст. Маълумоти тазкираҳо ва сарчашмаҳои дигари адабӣ дар таъйину аниқ намудани баъзе аз ҷузъиёти рӯзгору осори Хочу барои диссертант судманд буданд.

Дар таҳқиқи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» нусхаҳои тасҳеҳнамудаи ин асарро, ки аз ҷониби Камол Айнӣ [15] ва Сайид Ниёзи Кирмонӣ [16] анҷом ёфтаанд, ҳамчунин наشري тоҷикистониини ин маснавро, ки дар таркиби «Ҳамса»-и Хочуи Кирмонӣ дар таҳия ва тавзеҳи Баҳром Раҳматов, Оқилбой Оқилов ва Шоира Олимова [14] ҷой дода шудааст, чун манбаи аслии қор ва маводи адабии пажӯҳиш интихоб кардаем. Ҳамчунин, зимни таҳқиқи мавзӯ девонҳои шоирон, феҳристномаҳо, осори адабӣ ва илмии марбут ба мавзӯ мавриди баҳрабардорӣ қарор гирифта, дар мавридҳои зарурӣ аз онҳо истинод шудаанд.

Навгонии илмии таҳқиқот. Бори нахуст дар адабиётшиносии тоҷик достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хочуи Кирмонӣ таҳқиқи алоҳидаи монографӣ шуда, маҷмуи масоили марбут ба ин асар, аз қабилӣ нусхашиносӣ ва масоили тасҳеҳу наشري дoston, маншаъ ва сарчашмаи асар, сабаб ва ҳадафҳои таълифи он, сохтору хусусиятҳои жанрӣ, мухтассоти ғоявӣ, шеваи баён ва истифодаи воситаҳои тасвири бадеӣ ва амсоли инҳо муфасссал ва ҳамаҷониба таҳлилу баррасӣ гардидаанд. Ҳамчунин, зимни таҳқиқи масъалаҳои асосии мавзӯ аҳволу рӯзгор ва осори Хочуи Кирмонӣ бо диду назари нав, бевосита дар асоси осори худи шоир ва сарчашмаҳои илмии марбут ба қазия мавриди баррасӣ қарор гирифта, доир ба алқоб ва таҳаллуси шоир бори аввал санаду маводи тоза ироа гардидаанд, ки ин барои расидан ба умқи масъалаи мавриди назар ва густурдаву бештар омӯхтани баъзе паҳлуҳои зиндагии Хочу заминаи мусоиде фароҳам меорад.

Нуктаҳои ба Ҳимоя пешниҳодшаванда:

1. Дар адабиётшиносии ватаниву хориҷӣ доир ба рӯзгор ва осори Хочуи Кирмонӣ, бавижа ҷараёни зиндагии ӯ ва девони ашъораш пажӯҳишҳои зиёде анҷом ёфтаанд, аммо ҳанӯз нуктаҳои норӯшане дар омӯзиши зиндагинома, номи асли, вазҳи интихоби таҳаллус, алқобу ановини ифтихорӣ ва мероси адабии ин шоири номвари форсу тоҷик мавҷуданд, ки барои шинохти комилу ҳамаҷонибаи мақому манзалати шоир ва ҷаҳони иҷтимоиву маънавии ӯ бетаъсир нестанд. Хочуи Кирмонӣ идомадихандаи суннати ҳамсароиву ҳамосанависӣ дар адабиёти форсу тоҷик буда, дар ин раванд баъд аз Амир Хусрави Дехлавӣ сеюмин суҳанварест, ки ба тамоми маснавиҳои «Ҳамса»-и Низомии Ганҷавӣ ҷавоб гуфтааст. Хочу бо силсилаи маснавиҳои «Ҳамса»-и хеш мавзуоту сюжет ва образҳои қомилан навро бо дарунмоиҳои ноби ирфониву фалсафӣ ва ахлоқиву тарбиятӣ ба назми классикии форсу тоҷик эҳдо кардааст.

2. Нусхаҳои хаттии зиёде аз достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» дар китобхонаҳои дунё ниғаҳдорӣ мешаванд, ки бозгӯии шуҳрат ва маҳбубияти ин асар дар байни хоссу ом аст. Баъзе аз нусхаҳои қаламии ин doston ҷузъи китобхонаҳои салтанатӣ буда, барои аҳли дарбор хонда мешуданд. Сабаби

шухрати густурда доштани достон марбут ба мундариҷаву мазмуни он аст, зеро мавзуи ишқ дар ҳама давру замон, байни ҳама қишрҳои ҷомеа хонандагони зиёде дошт. Аз ин сабаб, ин достон зиёд нусхабардорӣ гардидааст, ки нусхаҳои қалами дар китобхонаҳои дунё маҳфузмондаи ин асар гувоҳанд. Достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмони то имрӯз се маротиба, дар Эрон, Тоҷикистон ҷоп гардидааст. Бо вучуди дақиқкорӣ ва масъулиятшиносии мураттибону мусахҳеҳон дар нашрҳои то ба имрӯз анҷомдодашудаи «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу ғалатҳои малеху қабех роҳ ёфтаанд. Тасҳеҳу наشري матни илмӣ-интиқодии «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу яке аз корҳои муҳими матншиносии муосир ба ҳисоб меравад.

3. «Ҳумой ва Ҳумоюн» аз аввалин дostonҳои «Ҳамса»-и Ҳочуи Кирмонӣ буда, ҳарчанд дар ҷавобияи «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ гуфта шудааст, аммо дар вазни дostonҳои ҳамосӣ – мутақорибии мусаммани махзуф (максур) ба силки назм кашида шудааст, ки аз навовариҳои Ҳочу ба ҳисоб меравад. Зеро то замони ӯ касе дар ин вазн дostonҳои ишқӣ насурӯда буд. Махз бо кӯшиши Ҳочуи Кирмонӣ на танҳо ба шакли дostonҳои ишқӣ-романтикӣ таҷдиди назар сурат гирифт, балки ба дарунмояи мавзуиву ҳунарии он низ нигоҳи тоза андохта шуд. «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ аз нигоҳи мавзӯ ва образҳо низ комилан тоза буда, бар пояи сужаву мазмуни афсонаҳои қадими эронӣ ба зухур омадааст, ки ин нукта арзиши бадеиву таърихӣ ин асарро ба маротиб афзун менамояд.

4. Достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» дар таърихи адабиёти форс-тоҷик ҳарчанд асари комилан тоза ба шумор равад ҳам, муаллифи асар дар эҷоди он ба таҷрибаву дастовардҳои шоирони дostonсарои то замони худ, хосса Фирдавсӣ ва Низомӣ назар доштааст. «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ бо сабки ҷолиб таълиф ёфта, аз нигоҳи истифодаи ороҳҳои адабӣ ва ҳунари шоирӣ хеле ҷолиб ба назар мерасад. Корбурди гуногуни анвои адабӣ, истифодаи санъатҳои ташбеҳ, истиора муболиға ва монанди инҳо ба тазоҳури ҳунари суҳангустарии Ҳочуи Кирмонӣ таъкид мекунанд.

Аҳаммияти назарӣ ва амалии таҳқиқот. Дар диссертатсия масъалаҳои асосии матншиносӣ, поэтика, аз қабилӣ нусхаҳои қалами дostonи «Ҳумой ва Ҳумоюн», нусхаҳои тасҳеҳу ҷопшудаи дoston, сабабу ҳадафи таълифи асар, сарчашма ва маншаи дoston, мухтассоти жанриву ғоявӣ, таъсирпазирии адабӣ, хусусиятҳои сабкӣ ва поэтикии асари бадеӣ дар маърази тавачҷуҳ қарор гирифтааст, ки аҳаммияти назарии онро таъмин намудаанд.

Арзиши амалии диссертатсия дар он аст, ки маводи диссертатсия ва ҳулосаҳои муаллиф метавонанд, дар таҳияи китобҳои дарсӣ барои макотиби олӣ, хондани курсҳои махсус аз таърихи адабиёти форс-тоҷик, сабкшиносӣ ва назарияи адабиёт, навиштани корҳои курсӣ ва рисолаи хатм истифода карда шаванд.

Дарҷаи эътимоднокии натиҷаҳои таҳқиқот. Диссертатсияи ҳозир дар асоси сарчашмаҳои саҳеҳи илмӣ адабӣ, бо таҷриба ва методҳои таҷрибавӣ ва принсипҳои муфиди паҷуҳишӣ, бо низому тартиби муайяншуда пайдарпай таълиф ёфтааст. Ҳамаи масъалаҳо бо далелҳои амиқ мавриди ҳаллу фасл қарор гирифта, натиҷагирӣ шудаанд. Ҳулосаҳо ва дастовардҳои диссертант дар шакли

гузоришу маъруза мақолаҳои илмӣ дар маҳфилу конференсияҳои сатҳи гуногун ироа гаштааст, ки ҳамагӣ таҳкими эътимоднокии натиҷаҳои таҳқиқот равона шудаанд.

Мутобиқати диссертатсия ба шиносномаи ихтисоси илмӣ. Мавзуи диссертатсия – «Масъалаҳои матншиносӣ ва поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ» буда, бо моҳият ва мундариҷаи хосси худ ба масъалаҳои таҳқиқии шиносномаи ихтисоси илмӣ 10.01.00 – Адабиётшиносӣ (10.01.08 – Назарияи адабиёт. Матншиносӣ, нусхашиносӣ) мувофиқат менамояд.

Саҳми шахсии довталаби дараҷаи илмӣ дар таҳқиқот. Диссертант дар муддати ба ҳайси унвончӯ фаъолият карданаш ба пажӯҳишу баррасии масъалаҳои матншиносӣ ва поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу машғул гардида, доир ба ин мавзӯ мақолаҳои илмӣ ба таърифи расонидааст. Муаллифи диссертатсия кӯшиш ба харҷ додааст, ки доир ба вазҳи интихоби таҳаллуси Ҳочу, нусхаҳои дастнавису чопшудаи «Ҳумой ва Ҳумоюн», сарчашмаҳои асари мавриди таҳқиқ ва поэтикаи он андешаҳои илмӣ хешро бо далелҳо иброз намояд. Бинобар ин, қулли натиҷаҳои дар диссертатсия ҳосилшуда маҳсули пажӯҳиши шахсии муаллиф буда, мақолаҳои чопнамудаи ӯ мазмунӣ диссертатсия ва нуктаҳои асосии ба дифоъ пешниҳодшавандаро дар бар мегиранд.

Тасвиб ва амалисозии натиҷаҳои диссертатсия. Натиҷаҳои пажӯҳиш дар дарсу курсҳои махсуси лексионӣ амалии факултети филологияи тоҷики Муассисаи давлатии таълимии «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров» ва курсҳои тақмили ихтисоси филиали Донишқадаи ҷумҳуриявии тақмили ихтисос ва бозомӯзии кормандони соҳаи маориф дар вилояти Суғд истифода шудаанд. Муҳимтарин нуктаҳои диссертатсия дар семинарҳои илмӣ кафедра, факултет, конференсияҳои илмӣ-амалии донишгоҳӣ (солҳои 2014-2024) ва байналмилалӣ «Нақши «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ дар таҳқиму густариши забону адабиёт ва илму фарҳанги тоҷик» (ш. Хучанд, 2024. – 14-15 май), «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» (г. Белгород, 2024. – 30 сентябры), «Созидательный импульс развития современной науки» (г. Петрозаводск, 2024. – 14 октябры), нигоҳе ба муҳтавои достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ (Ҷустуҷӯҳои илмӣ (Маводи конференсияи илмӣ-назариявии ҷумҳуриявӣ, ба ифтихори 80-солагии профессор С.Саидов). – Душанбе: ДДОТ ба номи С. Айнӣ, 2025), вижагиҳои забонӣ ва сабкии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ (Боқӣ Рақимзода ва муҳити адабии садаи XX / Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ дар мавзуи «Боқӣ Рақимзода ва муҳити адабии садаи XX». – Душанбе: ДДОТ ба номи С. Айнӣ, 2025) аз тарафи диссертант ироа гардида, хулосаву дастовардҳои диссертант аз ҷониби аҳли илм арзёбӣ шудаанд.

Диссертатсия дар ҷаласаи кафедраи адабиёти классикии тоҷики МДТ «Донишгоҳи давлатии Хучанд ба номи академик Бобочон Ғафуров» 24.10.2025, суратҷаласаи №3 муҳокима шуда, ба ҳимоя пешниҳод гардидааст.

Интишорот аз рӯйи мавзуи диссертатсия. Мазмун ва мухтавои асосии диссертатсия дар 11 мақолаи илмӣ инъикос шудааст, ки аз ин теъдод 6 мақола дар нашрияҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон ҷоп гардидааст.

Соҳтор ва ҳаҷми диссертатсия. Диссертатсия аз муқаддима, се боб, нух фаслу панҷ зерфасл, хулоса, тавсияҳо оид ба истифодаи амалии натиҷаҳои таҳқиқот ва рӯйхати адабиёт таркиб ёфта, ҳаҷми он аз 179 саҳифаи ҷопи компютерӣ иборат мебошад.

ҚИСМИ АСОСИИ ТАҲҚИҚ

Дар **муқаддимаи** диссертатсия мубрамии мавзуи таҳқиқот, дараҷаи омӯзиши он, робитаи таҳқиқот бо барномаҳо ва мавзуҳои илмӣ муайян шудаанд. Дар тавсифи умумии таҳқиқот мақсад, вазифа, объекту предмети таҳқиқот, асосҳои назарӣ, методологӣ, сарчашмаҳо ва наwgониҳои таҳқиқот, аҳаммияти назарӣ ва амалӣ, дараҷаи эътимоднокии таҳқиқот низ асоснок гардида, нуктаҳои ба ҳимоя пешниҳодшавандаи диссертатсия, мутобиқати мавзуи диссертатсия ба шиносномаи ихтисоси илмӣ ва саҳми шахсии диссертант дарҷ шудаанд.

Боби аввали диссертатсия **«Ҳочуи Кирмонӣ ва тасҳеҳу нашри достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и ӯ»** унвон дошта, маҷмуи масъалаҳои мавриди таҳқиқ дар се фаслу се зерфасл баррасӣ шудаанд. Фасли аввал **«Муруре ба аҳволу осори Ҳочуи Кирмонӣ»** ном дошта, сайри иҷмолии зиндагинома, номи аслӣ, вачҳи интисоби таҳаллус, алқобу унвонҳои ифтихорӣ ва мероси адабии Ҳочуи Кирмониро фаро мегирад.

Дар бораи зиндагӣ ва осори Ҳочуи Кирмонӣ сарчашмаҳои зиёде маълумот додаанд, вале иттилооти манбаъҳо дар ин бора зидду нақиз ба назар мерасанд. Ҳангоми омӯзиши аҳволу рӯзгори Ҳочу баъзе санаду далелҳои тозае дар бораи таҳаллус ва унвонҳои шоир ба даст омаданд, ки баррасии онҳо дар фасли аввали қор ҳойизи аҳаммият доништа шудааст. Таҳаллуси адабии шоир дар ҳама ашъораш Ҳочу омадааст. Дар осори Ҳочу ҳеҷ ишорате доир ба сабаби интиҳоби ин таҳаллус ба ҷашм намерасад. То он ҷое, ки маълум аст, дар таърихи адабиёти форсу тоҷик ба ҷуз Ҳочуи Кирмонӣ шоири дигари Ҳочутаҳаллус вучуд надорад. Ҳочу таҳаллус интиҳоб кардани суханварро аксар тазкиранависон ва муҳаққиқон, аз қабиле Давлатшоҳи Самарқандӣ, Авҳадии Балёӣ, Фаҳруззамони Қазвинӣ, Бостонии Поризӣ, Забеҳулло Сафо, Ян Рипка, Тақии Биниш ва дигарон бинобар мансубияти шоир ба хонаводаи бузургон – хоҷагон марбут доништаанд. Андешаи муҳаққиқони мазкур дар ин масъала қобили қабул аст. Дар таъя ба сарчашмаҳои илмӣ, хосса «Фарҳанги Кирмон»-и Манучехри Сутуда бар ин назарем, ки таҳаллуси шоир метавонад бо шеваи гуфтори мардуми Кирмон иртибот дошта бошад. Яке аз муҳимтарин вижагиҳои гӯиши кирмонӣ ин аст, ки дар интиҳои номҳо як «вов» (у. – М.М.) изофа менамоянд [31, с. 5]. Изофа намудани «вов»-ро Сутуда марбут ба баёни тасғир, сифат, нисбат, таҳфиф ва таҳбиб доништааст [31, с. 5-6].

Фаҳруззамони Қазвинӣ бар он аст, ки волидайнӣ Ҳочу дар овони бачагии шоир ба ӯ «хочу» садо мекардаанд. Аз ин ҷо, бидуни шакку тардид метавон

гуфт, ки ҳамин «хочу» садо кардани волидайнӣ шоир ба вижагии гӯиши кирмонӣ алоқамандӣ дошта, барои навозишу дӯстдорӣ ба хочазодаи кӯчак гуфта мешуд. Бояд ҳамин лаҳни навозишу дӯстдорӣ давраи кӯдакӣ барои суханвари Кирмонӣ хеле хуш омада бошад, ки «хочу»-ро ба сифати тахаллуси адабӣ дар ашъораш истифода намояд. Аз ин рӯ, Хочуро метавон тарзи гӯиши хоча пазируфт.

Ҳамчунин, дар ин фасл дар мавриди унвонҳои ифтихории Хочу – «нахлбанди шуаро» ва «халлоқулмаонӣ», номи аслии шоир ва чанде аз ҷузъиёти зиндагии ӯ домани баҳсро густурда, ба ин васила барои шинохти шахсияти суханвар замина муҳайё сохтаем.

Яке аз лақабҳои Хочу, ки бисёр сарчашмаҳо бад-он ишорат намудаанд, «нахлбанди шуаро» ё «нахлбанди маонӣ» будааст. Дар хусуси маънои лақаб ва ба чӣ сабаб сазовор гаштани Хочу дар маъхазҳои андешаҳои гуногун гуфта шудаанд.

Исми «нахлбанд» аслан, мураккаб буда, аз ду калима таркиб ёфтааст: нахл ва банд. Нахлбанд шахсиро гӯянд, ки аз мум, қоғаз ва матоъ дарахт (нахл), гул ё меваи сунъӣ созад. Пас нахлбанд ҳунармандест, ки зебоӣ меофарад. Аз ин ҷо, «нахлбанди шуаро» лақаб гирифтани Хочу низ ба ҳунари зебоӣ санъатгарии ӯ дар шеър марбут будааст. Тавоноии Хочу дар қорбурди санъатҳои бадеӣ дар ашъор ончунон будааст, ки суханвар онҳоро на ба хотири намоиши қудрати сухангустарӣ, балки танҳо барои ифодаи маонии латифи тоза ба қор мегирад.

Абдурраҳмони Ҷомӣ бар он назар аст, ки ин лақаб бинобар ба «тазйини алфозу таҳсини иборот ҷаҳде балиғ» [41, с. 465] доштан ба ӯ муносиб дониста шудааст. Амин Аҳмади Розӣ [27, ҷ. 1, с. 293] талоши пайвастаи Хочуро дар истифодаи алфози ғайримутаъориф сабаби сазовори ин лақаб донистааст. Бино ба гузориши Фаҳруззамони Қазвинӣ [21, с. 75] ва баъзе сарчашмаҳо ҳанӯз муосирон Хочуро ба далели ҳунарнамоиҳои дар олами шеър «нахлбанди шуаро» лақаб дода буданд. Ҳочуи Кирмонӣ дар фасли ихтиломи «Ҳумой ва Ҳумоюн» зоҳиран ба ин лақаб ишора намуда, гуфтааст:

Найи хомаам нахлбандӣ намуд,

Ба нахли сухан сарбаландӣ намуд [14, с. 570].

Давлатшоҳи Самарқандӣ овардааст, ки «сухани ӯро фозилону бузургон дар фасохату балоғат беназир медоранд ва ӯро «нахлбанди шуаро» меноманд» [29, с. 238]. Назар ба қавли Давлатшоҳи Самарқандӣ Ҳочуи Кирмониро шоири ҳамасраш Музаффарӣ Ҳиравӣ «наққошаки Кирмон» [29, с. 251] хондааст ва шояд бар ҳамин асос Бостонии Поризӣ [26, с. 118] тахмин мезанад, ки пешаи Хочу тарроҳии нақшҳои қолин будааст.

Музаффарӣ Ҳиравӣ назар ба қавли Давлатшоҳи Самарқандӣ ҳамвора ба шоирон даъво менамуд ва бар сухану ҳунари онҳо эътироз мекард ва фазли ашъори хешро зоҳир месохт [29, с. 251]. Ба назари мо, Хочуро «наққошаки Кирмон» гуфтани Музаффарӣ Ҳиравӣ як андоза оҳанги танзу тамасхур дорад, зеро дар идомаи фикр гуфтааст, ки аз ӯ «бӯйи суханварӣ меояд». Ин тарзи гуфтори Музаффар ва бо ибораи «наққошаки Кирмон» Хочуро ёд намуданаш, далолат бар он менамояд, ки касби наққошӣ пешаи асосии суханвар набудааст.

Зоҳиран, ба Ҳочу «наққошак» хитоб намудани Музаффари Ҳиравӣ бар асари ҳасодату нотагонбинии ӯ аст.

Гузашта аз ин, Ҳочу дар ҳеҷ кадом аз осораи доир ба пешаи нақшнигории рӯйи қолин доштани чизе нагуфтааст. Сарчашмаҳои дастраси мо низ дар ин бобат чизе намеоранд. Ба ин ваҷҳ, касби нақшпартоии рӯйи қолин доштани Ҳочу як қадар аз воқеият дур менамояд.

Аммо Абулхусайни Зарринқуб менависад, ки Ҳочуи Кирмониро муосиронаш ба он хотир «наҳлбанди шуаро» мехонанд, ки ҳама гуна шеърро мисли намунаҳои қори устодон месохта, аммо наҳли мумии ӯ лаззати ҳаловати хурмои воқеиро надоштааст [11, с. 123]. Зоҳиран, ин андешаи А. Зарринқуб ишора ба тасаннуъгароии Ҳочу дорад, зеро дар воқеъ шоир дар овардани ашъори маснуъ хеле моҳир аст.

Боиси таъкид аст, ки дар таърихи адабиёти форсу тоҷик танҳо Ҳочу ба дарёфти лақаби «наҳлбанди шуаро» сазовор гаштааст. Дар «Луғатнома»-и Деҳхудо низ дар шарҳи ибораи мазкур омада, ки ин лақаби Ҳочуи Кирмонист [44].

Дар хусуси номи аслии шоир маълумоти сарчашмаҳо гуногунанд. Чунончи, Амин Аҳмади Розӣ дар «Ҳафт иқлим» [27, с. 292] номи ӯро Маҳмуд, Мулло Абдуннабии Қазвинӣ дар таъкираи «Майхона» [21, с. 75] Афзалуддин, Ҳоҷӣ Халифа дар «Кашф-уз-зунун» Муҳаммад, Я. Рипка дар китоби «Таърихи адабиёти Эрон» [28, с. 364] Камолуддин [ё Афзалуддин] забт кардаанд. Аммо устод Забехулло Сафо ин ҳама иттилоӣ ба ҳам муҳолифро таҳлил намуда, таъкид медорад, ки Ҳочуи Кирмонӣ аз ҷумлаи он суҳанваронест, ки номи хешро дар ашъораш ба таври сареҳ овардаанд [30, с. 888]. Назар ба қавли ҳуди Ҳочу номи аслии шоир, ки дар ашъораш овардааст, Маҳмуд [14, с. 848] будааст ва дар ин маврид ҳеҷ ҷойи баҳсу тардид вуҷуд надорад.

Воқеан, Ҳочуи Кирмонӣ дар ашъораш чанде аз ҷузъиёти зиндагии худро баён намудааст, ки онҳо барои равшан намудан ҳақиқати ҳаёти шоир ва баъзе баҳсҳои ҷуну чаро ҳам ҷун сарчашмаи эътимоднок аз дасти аввал хидмат менамояд.

Соли вафоти Ҳочуи Кирмониро дар сарчашмаҳо бо ихтилофи зиёд нақл намудаанд. Аз миёни ҳамаи он ба қавли Забехулло Сафо ба навиштаи Фасеҳ Аҳмад ибни Ҷалолуддин Маҳмуд, ки наздиктарин сарчашма ба замонҳои зиндагии шоир аст, метавон эътимод кард. Ҷалолуддин Маҳмуд соли вафоти Ҳочуро 750 ҳ.қ./1349 м. дар Шероз зикр кардааст. Оромгоҳи Ҳочу дар Шероз аст ва имрӯз зиёратгоҳи аҳли илму адабу фазл мебошад.

Ҳочуи Кирмонӣ дар радифи бузургтарини суҳансароёни форсу тоҷик, ба монанди Низомӣ Амир Хусрав қарор дорад, ки аз худ мероси зиёде дар навъҳои гуногуни жанрҳои адабӣ ба ёдгор гузоштааст. Воқеан, осори Ҳочу аз ҳар ҷиҳат сазовори аҳаммияту омӯзиш аст. Ҳочу, ҷунонки аз маснавии «Равзат-ул-анвор» бармеояд, аз оғози ҷавонӣ майл ба сурудани шеърӯ шоирӣ доштааст. Дар «Равзат-ул-анвор» дар зимни ҳикояти «Фариштае, ки дар сифари син ба хоб дида буд», ин маънӣ омадааст. Хобгузоре, ки Ҳочу ба вай мурочиат карда буд, вайро ба шухрат дар шоирӣ навид дода буд:

Мулки суҳан онӣ ту хоҳад шудан,

Ақл санохони ту хоҳад шудан.

Тири ҳадиси ту ба Ҷавзо расад,

Номи баландат ба Сурайё расад [14, с. 82].

Маҷмуи абёти Ҳочуро устод Забеҳулло Сафо чилу чаҳор ҳазор байт гуфтааст [30, с. 896]. Ӯ аз ҷумлаи шоиронест, ки дар вақти дар қайди ҳаёт буданаш ба ҷамъоварии осораш иқдом намудааст. Ин иқдом дар ҳаёти шоир ба амри Тоҷиддин Аҳмад ибни Муҳаммад ибни Алӣ анҷом гирифтааст. Бо дастури ин вазири суҳанпарвар, Ҳочу ва ҷамъе аз дӯстону мухлисони суҳанвар ба гирдоварии ашъори ӯ пардохтанд ва яке аз адибони он давр муқаддимае бар он навиштааст, ки мусаҳҳеҳи девони Ҳочу – Аҳмад Суҳайлии Хонсорӣ онро нақл намудааст [17, с. 92].

Аз баррасӣ ва омӯзиши осори Ҳочуи Кирмонӣ маълум гардид, ки аз ин шоири шаҳри асри XIV мероси арзандае то замони мо омада расидааст, ки аз ҳар ҷиҳат мавриди омӯзишу пажӯҳиш мебошанд.

Фасли дуюми боби якум «Нусхашиносии «Ҳумой ва Ҳумоюн»» ном дошта, дар он нусхаҳои хаттии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу, ки дар китобхонаҳои дунё маҳфузанд, шарҳу тафсир ёфтаанд. Аз феҳристи нусхаҳои хаттии китобхонаҳои ҷаҳон маълум мешавад, ки аз достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ нусхаи асл то замони мо омада нарасидааст. Аз рӯйи маълумоти А. Родфар маълум мешавад, ки дар китобхонаҳои ҷаҳон 20 нусхаи хаттӣ ва 4 ҷопи литографию сангии «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ ниҳадгорӣ мешаванд. Ҷустуҷӯҳо дар ин замина маълум намуд, ки таҳқиқоти А. Родфар бештар ҷанбаи обзорӣ дошта, дар умум, барои шинохти сарчашмаҳои муҳими илмиву марҷай дар бораи Ҳочу ва осори ӯ ёрӣ мерасонанд. Дар бораи баъзе аз нусхаҳои хаттии «Ҳумой ва Ҳумоюн» Суҳайлии Хонсорӣ дар муқаддимаи девони шоир, Камол Айнӣ ва Ниёзи Кирмонӣ дар муқаддимаи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» ва «Ҳамса»-и Ҳочу низ маълумот овардаанд, ки онҳо низ тавсифи нусхаҳоро қанор гузоштаанд. Бар иловаи нусхаҳои аз ҷониби А. Родфар, К. Айнӣ, С. Хонсорӣ, Н. Кирмонӣ муаррифишуда боз 24 нусхаи хаттии «Ҳумой ва Ҳумоюн»-ро дар асоси феҳрастҳо ва сомонаҳои расмии китобхонаҳои олам, аз ҷумла Қуния, Истамбул, Техрон, Лондон, Мюнхен, Тошканд, Калкутта муаррифӣ намудаем, ки аксари онҳо бори аввал дар илми адабиётшиносӣ шинохта мешаванд.

Бояд гуфт, ки шояд нусхаҳои дигаре аз «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу дар китобхонаҳои шахсӣ ва ё музофотӣ, ки аз қайди феҳристномаҳои ҷомеъ берун мондаанд, мавҷуд бошад. Чунончи, ҳангоми таҳқиқи ин мавзӯ як нусхаи қаламии мансуб ба санаи 25 рабиюлоҳири 830х.қ./ 3-уми марти 1427 ба дасти мо расид, ки дар Шероз китобат шуда, асли он дар Мюнхен, китобхонаи давлатии Бовария (Bayerische Staatsbibliothek) маҳфуз аст [12]. Котиби нусха ҷуноне, ки аз анҷомаи китоб бармеояд, Алӣ ибни Юсуфи Маҳдист. Андозаи китоб 15х9 см буда, ҷилди нусха тимочи қаҳвай, ки дар мобайн нақши зарбии бо гулу бутта орошташуда дорад, шероза ва канораҳои ҷилд бо ранги қаҳваии нисбатан рӯшан пӯшида шудааст. Дар саҳифаи аввал ва охири нусха бо қалам Cod per.459 қайд шудааст, ки зоҳиран шумораи нусхаи дастнависҳои форсии Мюнхен аст. Дар матн ҷадвалу сӯтунбандии зару лочувардӣ ва сурх дида

мешавад. Унвон музайян бо гул ва буттаи заррин, заминаи нилобӣ, атроф бунафш ва бо хатти сурх ихота шудааст. Номи фаслу бобҳои китоб бо ранги сурх чудо гардидаанд. Матн дар ду сутун ва дар 12 сатр оварда шудааст. Нусха комил буда, дорои 125 саҳифа аст. Ташҳиси матншиносӣ далолат менамояд, ки рақами сафаҳот бо қалами кормандони китобхона дар замони муосир гузошта шудааст. Дар ҳошия (бештар бо ранги сиёҳ) ва дар дохили матн (бо ранги сурх) баъзе ислоҳҳо дида мешавад. Дар баъзе саҳифаҳо (масалан, 48 а) осори шуставӣ ё рутубат ба мушоҳида мерасад, вале матни сафаҳот ба душворӣ бошад ҳам, хонда мешавад. Нусха дорои чор минётури марбут ба мазмуни матни дoston аст, ки дар саҳифаҳои 62б, 86б, 110а ва 115а омадаанд.

Теъдоди зиёди нусахи хаттӣ ва чопи сангии «Ҳумой ва Ҳумоюн» ва ашъори дигари гӯяндаи он бар он гувоҳанд, ки осори Ҳочуи Кирмонӣ дар байни хосу ом шуҳрати беандоза доштааст. Баъзе аз нусаҳои хаттии ин doston ҷузъи китобхонаҳои салтанатӣ буданд ва барои аҳли ҳашам қироат мешуданд. Сабаби ин қадар шуҳрат ёфтани doston ба андешаи мо, марбут ба мундариҷаву мазмуни он аст, зеро мавзуи ишқ ва ошиқӣ дар ҳама давраи замон ва байни ҳама қишрҳои ҷомеа алоқамандони зиёде дошт. Бад-ин сабаб, ин doston бештар нусхабардорӣ гардидааст, ки бар ин нусаҳои хаттии ин асар, ки дар китобхонаҳои дунё махфӯзанд, гувоҳӣ медиҳанд.

Дар маҷмуъ, нусаҳои хаттии «Ҳумой ва Ҳумоюн», ки мухтасар муаррифӣ ёфтанд, аз маъруфттарин дастхатҳои осори Ҳочуи Кирмонӣ буда, баъзе аз онҳо то имрӯз дар наشري девони Ҳочу ва «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и ӯ истифода шудаанд. Аммо дар байни онҳо боз нусаҳое мавҷуданд, ки ба муомилоти илмӣ кашида нашудаанд. Нусаҳои хаттии мазкур метавонанд, дар тасҳеҳу тақмили осори Ҳочуи Кирмонӣ, хосса «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и ӯ судманд бошанд.

Фасли сеюми боби аввал – «**Тасҳеҳу наشري «Ҳумой ва Ҳумоюн»** аз се зерфасл иборат буда, дар он роҷеъ ба вижагиҳои матншиносӣ ва тасҳеҳу виристории се нусаи чопии dostonи мавриди таҳқиқ мулоҳизаронӣ шудааст. Қайд шудааст, ки то имрӯз dostonи «Ҳумой ва Ҳумоюн» аз ҷониби Камол Айнӣ ва Сайид Ниёзи Кирмонӣ бо ҳуруфи форсӣ ба чоп расида, соли 2017 бори аввал ба хатти кириллии тоҷикӣ нашр гардидааст. Дар бораи ҳусну қубҳи нусаҳои чопии форсии doston ибрази назар намуда, таъкид кардаем, ки мутолиаву баррасии dostonи «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и наشري тоҷикистони «Ҳамса»-и Ҳочу нишон медиҳад, ки бо вучуди таҳаммулу тааммули ҷиддии таҳиягарон дар матни асар ғалатҳои мантиносии зиёде роҳ ёфтаанд. Мо камбудихои матншиносии dostonи мавриди таҳқиқро дар чопи кириллӣ табақабандӣ намуда, ҳусну қубҳи ин нашрро бо мисолҳои фаровоне нишон додаем. Аз ҷумла;

1. Риоя нашудани изофа (ё бандаки изофӣ), ки аз маъруфттарин иштибоҳот дар баргاردони матн аз алифбои форсӣ ба кириллӣ ба шумор меравад.

а) Афзудан ё ҳазфи бемавриди изофа (бандаки изофӣ). Дар хатти форсӣ, агар калима (муайяншаванда) бо ҳамсадо тамом шуда бошад, бандаки изофӣ (-и) навишта намешавад. Аз ин рӯ, дар абёти поёнӣ тамоми вожаҳое, ки зераш хат кашида шудааст, бояд бо изофа хонда шаванд:

Бад-он икди парвин хуршедчой,
Бад-он шомӣ шабгун хуршедсой [14, с. 467].

б) *Бемавқеъ гузоштани изофа*. Дар байти зерин калимаҳое, ки таъкид шудаанд, бояд бе изофа хонда шаванд.

Зада бар нухум қасри кӯҳле алам.

Уторид зи бимам шикаста қалам [14, с. 353].

Дар мисраи аввали ин байт ибораи «кӯҳле алам» бояд дар шакли «кӯҳлӣ алам» ба маънои «парчами сиёҳранг» ва қасри бидуни изофа [қаср] хонда шаванд.

2. Дар бархе маворид таҳиягарони матн дар хондани ҳаракот, яъне садонокҳои кӯтоҳи вожаҳо, ки дар алифбои форсӣ ишораи ҳарфӣ надоранд, ба иштибоҳ роҳ додаанд:

Ҳанӯзаш ба гулбарг райҳон наруст,

Ҳанӯзаш ҳазар оби Ҳайвон начуст [14, с. 422].

Дар мисраи дувум ба ҷойи «ҳазар» «Хизир» хондан лозим аст. Зимнан, «оби Ҳайвон» бо «х»-и хурд навишта мешавад.

3. Қисми зиёди ғалату иштибоҳҳое, ки дар баргардони матни кириллӣ ба назар мерасад, ба сабаби нодуруст қироат кардани калимаҳо, диққат надодан ба таносуби мантиқӣ калом ба вучуд омадааст. Чунончи:

Ки май донад аз файласуфони ҳай,

Ки Ҷамшед кай буду Ковус кай? [14, с. 350]

Ба назар чунин менамояд, ки дар мисраи аввал ба ҷойи «май донад» бояд «медонад» қироат шавад. Дар мисраи дувум ба ҷойи «Ковус кай» – Ковуси Кай хонем, таносуби маъноӣ кавитар мегардад: ки медонад, ки Ҷамшед ва Ковуси Кай кай буданд?

4. Мураттибони нашри кириллӣ бо сабабҳои номаълум дар бисёр мавридҳо калимаҳои абётро бо калимаҳои дигар иваз кардаанд ё бандакҷонишинҳои афъолро тағйир додаанд, ки дар натиҷа мазмуни шеър ҳалалдор шудааст. Мураттибон дар пешгуфтори китоб дар бораи равиши кор суҳан ронда, таъкид кардаанд, ки кори онҳо асосан, баргардони матни тасҳеҳкардаи Саид Ниёзи Кирмонӣ буд ва танҳо дар мавридҳои зарурӣ нусхаи хаттии «Хамса»-и китобхонаи Ганҷбахши Покистонро мавриди истифода кардаанд [14, с. 19-20]. Дар достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» танҳо дар як маврид як байт аз нусхаи хаттии мазкур [14, с. 380] барқарор карда шудааст. Дар абёте, ки мо дар поён меорем ва онҳо бо матни нашри Кирмонӣ фарқ мекунанд, дар ҷопи кириллӣ ишорае ба сабаби ворид сохтани тағйирот ба назар нарасид.

а) *ба ҷойи як калима овардани калимаи дигар:*

Ту дар дард агар мурдаӣ, зиндаӣ,

Чу дар банди хешӣ, аз он бандаӣ [14, с. 390; 15, с. 309].

Дар нусхаи Кирмонӣ дар мисраи аввал ба ҷойи «дард» – «банд» омадааст ва мантиқӣ байт, таносуби ин байт бо абёти ғавқ ва мобаъд ҳамин калимаро талаб мекунад. Дар нусхаи Камол Айнӣ низ «банд» омадааст [15, с. 55].

б) *тағйир додани шакли афъол:*

Бигуӣ ҳадисе чу ройи ту рост,

Калиди дари ганҷи маънӣ турост [14, с. 356; 15, с. 281].

Дар чопҳои Кирмонӣ ва Камол Айнӣ [15, с. 170] дар оғози байт «бигӯям» омадааст ва дуруст аст, зеро ба маънои «бигӯӣ маро ҳадисе» аст.

Ту гуфтӣ зи бас шукӯаҳои дурафш,

Бипушид гардун ҳарири бунафш [14, с. 441; 16, с. 354].

Дар имлои навишти номҳо, махсусан номи чирмҳои осмонӣ, ки бояд тибқи қоида бо ҳарфи калон навишта шаванд, дарҳамбарҳамиҳои зиёде мушоҳида мешавад, махсусан, агар онҳо омоним бошанд, Тир-тир, Мохӣ-моҳӣ, Ҷадӣ [буз]-буз, Гови гардун-гов, Харчанг-харчанг.

Бар ин назарем, ки бо вучуди мукарраран чоп шудани «Хумой ва Хумоюн» ҳанӯз ҷойи ҷопи илмиву интиқодии ин дoston дар матншиносӣ холист. Метавон бо таъя ба нашрҳои анҷомёфта ва нусхаҳои дастхати то имрӯз омӯхтанашуда дар наشري матни саҳеҳ ин дoston ва дар умум, «Хамса»-и Ҳоҷуи Кирмонӣ қадами устувортар гузошт.

Боби дуҷуми диссертатсия «**Сохтор ва муҳтавои ғоявии «Хумой ва Хумоюн»**» ном дошта, аз ҷаҳор фасл иборат аст.

Дар **фасли аввали ин боб** масъалаи «**Сарчашма ва маншаи дoston**» мавриди таҳқиқ ва баррасӣ қарор гирифтааст. Дар ин фасл кӯшиш ба ҳарч рафтааст, ки дар асоси сарчашмаҳои илмиву адабӣ ва ишораҳои бевоситаи Ҳоҷу дар «Хумой ва Хумоюн» маъхазҳои аслии асар муайян карда шаванд. Ҳамчунин, дар идомаи фасли мазкур иддаову баҳсҳоеро, ки бар асоси мазмуни дostonҳои қадимаи халқии туркӣ таълиф ёфтани асарро таъкид мекунанд, бо далелҳои қотеъ рад намуда, тазаккур додаем, ки исми Хумой ва образи ӯ дар адабу фарҳанги эронӣ аз даврони қадими таърихӣ ҳузур доштааст. Исми Хумой ҳанӯз дар мутуни тоисломии эронӣ ёд мешавад.

Назар ба маълумоти «Фарҳанги асотир ва дostonвораҳо» дар «Яштҳо»-и «Авасто» номи духтари Гуштосп Хумая омада, дар манзумаи «Ёдгори Зарирон» низ як бор аз ӯ ба номи Хумок ёд шудааст [10, с. 834-835].

Шахсиятҳо бо номи Хумой дар дostonҳои пеш аз Ҳоҷу, хосса осори Фирдавсиву Низомӣ зикр мешаванд. Чунончи:

1. Хумой – номи шохзодаи эронӣ, духтари Гуштосп, ки исми он дар дostonи «Подшоҳии Гуштосп»-и «Шоҳнома»-и Абулқосим Фирдавсӣ омадааст. Тибқи ривояти «Шоҳнома» вақте ки бародари Гуштосп – Зарир аз дасти Бедирафш кушта мешавад, Гуштоспшоҳ даъват менамояд, ки ҳар нафаре аз диловарону ҷанговаронаш барои гирифтани кини Зарир пой пеш мениҳад, духтараш Хумойро ба занӣ хоҳад дод:

Ки ҳар к-аз миёна ниҳад пеш пой,

Мар ўро диҳам духтарамро Хумой [38, ҷ. 6, с. 130].

2. Хумой дар «Шоҳнома» номи яке аз хоҳарони Исфандиёр аст, ки дар дostonи «Ҷафт хони Исфандиёр» аз ӯ тавсиф шудааст. Тибқи ин дoston Арҷоспи тўронӣ вайро асир карда, дар қалъаи Руйиндиж ниғаҳ дошта буд ва Исфандиёр ўро аз банд раҳой бахшид:

Чу овоз бишнид фаррух Хумой

Бидонисту омад дилаш боз ҷой [38, ҷ. 6, с. 254].

3. Хумой номи духтари Баҳман писари Исфандиёр аст, ки таърифи ӯ дар дostonи «Подшоҳии Баҳмани Исфандиёр» ва «Подшоҳии Хумой»-и

«Шохнома» омадааст. Мувофиқи нақли Фирдавсӣ Ҳумой аз рӯи шариати зардуштӣ зани падари худ шуда, Дороб аз ӯ таваллуд ёфтааст. Ҳумой сӣ сол подшоҳи Эрон буда, пас писари худ Доробро валиаҳди хеш намуд. Номи дигараш Чехрзод аст, ки шаҳре бо номи Чехрзодгон бино карда буд:

Яке духтараш буд номаш Ҳумой,
Ҳунарманду бо донишу покрӣ.
Ҳаме хондандӣ варо Чехрзод,
Зи гетӣ ба дидори ӯ буд шод [38, ҷ. 6, с. 468].

4. Ҳумой дар достони «Подшоҳии Баҳроми Гӯр»-и «Шохнома» муъбаде аз муъбадони Баҳроми Гӯри Сосонист:

Яке муъбаде буд номаш Ҳумой,
Хирадманду бодонишу покрӣ [39, ҷ. 7, с. 549].

5. Ҳумой дар достони «Ҳафт пайкар»-и Низомии Ганҷавӣ духтари қайсари Рум аст, ки Баҳроми Гӯр бори аввал тасвири ӯро дар қасри Хаварнак дида буд:

Духтари қайсари Ҳумоюнро,
Ҳам ҳумоюну ҳам ба ном – Ҳумой [9, ҷ. 3, с. 87].

Чунонки аён аст, исми Ҳумой дар фарҳанги номгузории гузашта ҳам ба мард ва ҳам ба зан тааллуқ доштааст. Бояд арз намуд, ки исми Ҳумоюн низ барои ҳар ду чинс ба қор мерафтааст.

Аммо ҳеч яке аз шахсиятҳои дар асарҳои Фирдавсӣ ва Низомӣ номбаршуда қаҳрамони манзумаи «Ҳумой ва Ҳумоюн» нестанд, зеро бештари онҳо ашхоси таърихӣ ё ниматаърихиянд, дар ҳоле ки Ҳумой – қаҳрамони асосии достони Ҳочу, шахсияти афсонавӣ аст. Илова бар ин, дар қисмате аз достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» аз боғи парӣён, париву ғӯлу дев, гирифтори асорат шудани қаҳрамонони асар ба дасти онҳо, барои ба мақсади хеш расидан муборизаву набарди қаҳрамони асосии достон бо ин махлуқони афсонавӣ, дар ниҳоят кушта шудан ё мағлуб гаштани онҳо сухан меравад, ки ин мазмун сужети аксари афсонаҳои мардумиро ташкил медиҳад. Ин нуктаҳо дар бораи маншаи афсонавӣ доштан ва дар асоси яке аз афсонаҳои қадими эронӣ гуфта шудани асари Ҳочуро қувват мебахшад. Аз ҳулосаи илмӣ ин фасл маълум мешавад, ки асл ва моддаи нахустини ин достон афсона ва ё ривояти шифоӣ будааст.

Фасли дувуми боби мазкур доир ба «**Сохтори асар**» баҳс менамояд. Дар бораи соли таълиф, адади абёт, вазн ва ба кӣ бахшида шудани асар мурури мухтасаре доир намуда, риштаи баҳсро ба таҳқиқу таҳлили сохтори асар пайванд додаем. Таъкид мешавад, ки дар достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» Ҳочу кӯшидааст, ки ин суннати маснависароиро риоят кунад. Ӯ то оғози достон даҳ фасли муқаддамотӣ нигошта, дар ибтидо тамҳиду муноҷоту наътро ба ҷо овардааст. Сипас, мадҳ гуфта, аз рӯзгор шиква намуда, дар зимн соқиномае иншо кардааст. Баъдан, дар собиқаи назми китобу аҳволи хеш ва дар сабаби назми асар фаслҳоеро манзури хонанда намудааст.

Достони мавриди таҳқиқ асари суннатӣ ва ошиқонаву пур аз ҳаводиси гуногун аст. Суннатӣ будани достон дар он нукта аён мегардад, ки робитаю ҳамбастагии қисмҳо ва лаҳзаҳои як воқеаи том дар он қомилан риоят мешавад, яъне асар аз силсилаи воқеаҳои ба ҳам алоқаманд иборат аст. Аз ин рӯ, сужети

достонро метавон аз рӯйи сохтору таркиб мураккаб гуфт, зеро «сужети мураккаб он аст, ки аз чандин воқеа, ҳатто аз силсилаи воқеаҳо фароҳам меояд» [24, с. 203]. Аз таҳлили достон маълум мегардад, дар он тамоми унсурҳои асосии сужети асари бадеӣ, аз қабилӣ оғоз (экспозитсия), гирех (завязка), инкишоф, авҷи олии ҳодиса (кулминатсия), гирехкушо (развязка), ки назарияпардозон муайян кардаанд, риоят шудааст. Қаҳрамони асосии достон - Ҳумой аз оғоз то поёни достон устувору ғаъл аст дар масири ҳаводису воқеоти тасвиршаванда тағйир намеёбад. Вай дар ишқ устувор аст ва дар роҳи расидан ба маҳбубаи хеш ҳама монеаҳоро сабуруна паси сар менамояд. Образи Ҳумоюн нисбат ба Ҳумой ғайриғаъл аст. Ровии достон шахси сеюм аст, яъне доноӣ кулл аст, ки берун аз достон қарор дорад ва аъмоли қаҳрамонро гузориш медиҳад, аммо иштироки вай равшан нест ва қазоват намекунад, гарчи нависанда дар мавриди Ҳумой каме игроқ мекунад ва онро болотар аз он чи ҳаст, нишон медиҳад, монанди набарди Ҳумой бо деви Занди ҷоду ва пирӯзии вай, ҷанги Ҳумой бо Фағфури Чин ва куштани ӯ.

Ҷазои достон бо тавсифот падида меояд, тавсифоти куллӣ дар мавриди қаср, боғ, бўстон ва ғайра, монанди даште, ки Ҳумой дар оғози достон барои шикор ба он ҷо рафт, ки тақрибан, дар даҳ байт тавсиф шудааст.

Баррасиву мутолиаи «Ҳумой ва Ҳумоюн» нишон медиҳад, ки Ҳочуи Қирмонӣ дар асар саъй намуда, ки дар шакли зоҳирӣ, тарҳи мавзӯи меҳварӣ ва ҳам дар тасвири саҳнаҳои гуногуни достону баёни ҷузъиёти онҳо ба муқтадои худ – Низомии Ғанҷавӣ наздик шавад. Таҳқиқи достон маълум менамояд, ки дар сохтори маснавии «Ҳумой ва Ҳумоюн» дигаргунӣ ҳама ба ҷашм мерасанд. Чунончи, пас аз ситоиши Ҳудованду наъти Расул (с) ва мадҳи мамдуҳони худ Ҳочу зерӣ унвони «Дар нақӯҳиши рӯзгор ва талаби шароб аз соқӣ» дар ҳудуди 90 байт як соқнома сурудааст, ки ин тарзи сохтор дар достонҳои ошқонаи пеш аз Ҳочу, ба монанди маснавиҳои «Лайлӣ ва Маҷнун» ва «Ҳусрав ва Ширин»-и Низомӣ ба ҷашм намерасад. Дигар аз тафовути сохторӣ дар қисмати муқаддамотии маснавии «Ҳумой ва Ҳумоюн» овардани як ғазали ёздаҳбайтист, ки ин аносир дар достонҳои ишқии то замони ӯ ба ҷашм намерасад. Ғазали дар муқаддимаи достон овардашуда дар девони ашъори Ҳочуи Қирмонӣ мавҷуд нест. Аз ин метавон ҳулоса намуд, ки ғазали мазкур ҷузъи таркибии достон буда, дар ҷараёни навиштани достон ҳамвазн бо он таълиф шудааст.

Дар фасли сеюми боби дуюм «**Таҳлили муҳтавои достон**» мавриди таҳқиқу таҳлил қарор гирифтааст. «Ҳумой ва Ҳумоюн» аз навъи осори базмиву ошқона аст ва мавзӯи аслии он ишқӣ Ҳумой – писари подшоҳи Шом ва Ҳумоюн – духтари Ҳокони Чин ва шарҳи мочароҳеост, ки дар роҳи ишқ ба сари онҳо пеш меояд.

Мазмуни мухтасари достон чунин аст:

Подшоҳи Шом, ки Манушанги Қиртос ном дошт, солҳо орзуи доштани фарзандро дар сар мебарварид. Саранҷом инояти Ҳудованд ба ӯ расид ва соҳиби писаре шуд.

Ба фарри Кубод ва ба чехри Манучехр малик вайро Ҳумой ном ниҳод ва ба доя супурд. Ҳумой чун бузург шуд, дар тамоми улум маҳорат ёфт ва аз донишварони замон гӯи дониш рабуд.

Аз қазо шабе Ҳумой ба қасри шоҳ омад ва гуфт: «Падарчон, дилтангам, дигар майли боғу бўстон надорам, рухсат диҳед, то ба шикор равам». Ҷаҳондор, ки тоби дурии вайро надошт, вале хоҳиши ӯро рад накард ва иҷозат дод, то як рӯз барои шикор ба сахро равад.

Шаҳриёр Ҳумойро ба аспи бодпову зебоне бо номи Ғуроб савор намуда, ба шикор роҳӣ кард. Кӯху сахро пур аз гулу лола буду ҳаво мушқафшон. Ногоҳ, маликзода аз дур ғубори тира дид, шитобон ба он сӯй рафт. Ғӯрхаре дид, ки бо суръати бод мегурезад. Шоҳзода каманде бар ғӯри ваҳшӣ андохт, аммо ғӯр аз чанбараш гурехт, савор бар аспи таковараш ба таъкиби ғӯр шитофт, хуршед ғуруб кард ва хурави покнаҷод то сапедадам дар биёбон асп биронд:

Субҳдам ба киштзоре хушу хуррам расид. Он бўстон иқоматгоҳи парӣ буд. Дар он коҳе чун биҳишт намоён шуд. Парӣ ба пешвози Ҳумой омад ва вайро ба қаср даъват кард.

Ҳумой дар он нақш хира шуд. Аз майи ишқ маст гашт ва аз пой афтод, нидои Суруш ба гӯшаш гуфт: «Эй қасе, ки дину дил аз даст додаӣ, аз дил гузар кун, то ба дилбар расӣ. Ранҷи сафар бар худ ҳамвор кун, то ба ӯ расӣ».

Чунон аз майи ишқ сармаст шуд,

Ки аз по дарафтоду аз даст шуд... [14, с. 366].

Чун шаҳзода сар баланд кард, на гулзор дид ва на қаср, аммо дар оташи ишқ месӯхт. Чун хуршед баромад, лашкариён маликзодаро дар ҳолати дарднок ёфтанд ва ҳоли парешонашро пурсиданд. Вай тамоми мочароро шарҳ дод. Гуфтанд: «Шаҳриёро! Чаро худро ранҷ медиҳӣ ва ба ҳаёлот дил хуш кардаӣ?» Ҳумой барошуфт ва посух дод: «Аз дардам беҳабаред, дилам гирифтори он парипайкар аст».

Субҳи рӯзи баъд ба Ҳумой хабар доданд, ки шоҳ азми шикор дорад, диранг макун, ба даргоҳи шоҳ рӯй овард. Ҳангоми ҳаракат кавкабаи Ҳумоюнро дид, дилаш ларзид, нақибон ба ӯ бонг заданд, ки ҳаракат кун. Ба ночор маркабро ронд. Чун пурсид, донист, ки духтари Фахфур дар ин атроф боғе дорад, ки як ҳафта барои иқомат он ҷо меравад. Вақте ки ба шикоргоҳ расиданд, шоҳзода Ҳумой ба худ печид ва бо изҳори дарди шикам баргашт ва ба сӯйи боғи Ҳумоюн шитофт. Посбоне маст ва чӯбак ба дастро дид, чунон нояшро фушурд, ки ҷон супурд ва худ ба наздики пардасаро шитофт. Ҳумоюн ба маҳзи дидани Ҳумой ба боми шабистон рафт. Паризод Ҳумойро ба айвон овард, он ду то субҳ дар канори ҳам майгусорӣ карданд.

Маху Муштарӣ гӯиё бар сипехр,

Қирон карда буданд дар бурҷи Меҳр... [14, с. 449].

Чун сапеда бардамид, Ҳумой аз шабистон хориҷ шуд. Ногоҳ, деҳқони пир ба сӯйи шоҳ шитофту гуфт: «Бигӯ, кучо будӣ, чаро ба ин қаср омадӣ?»

«Шоҳзода чун пили маст ғурриду сари деҳқонро аз тан ҷудо кард. Яке аз муқимон мочароро ба гӯши Фахфур расонид. Шоҳ ҳамон дам фармуд то Ҳумойро ба банди гарон кашанд.

Малик Ҳумой дар банд гирифтор шуд, бар дарди гаронаш мегирист, ки ногоҳ, моҳе фурӯзанда ба зиндон ворид шуд. Шохро сано гуфту банд аз дасту пояш кушуд. Духтар худро Суманрух духтари Сухайли ҷаҳонсӯз, муаррифӣ карду гуфт: «Дилам чун оху дар доми ту гирифтор аст, ман ҷамоле ҳамчун Ҳумоюн надорам, валекин се рӯз бо ман бисоз». Пас аз се рӯзи майгусорӣ ва хилват, Суманрух дастае силоху бодпое ба ӯ дод ва падрудаш гуфт.

Ҳумой ба сӯйи қасри Ҳумоюн шитофт. Ҳумоюн гуфт: «Боз гард, ки ман аз ту рӯй гардондам, номамо нангин намудӣ. Назди дилбарат Суманрух бирав, ки бо як дил, ду дилбар наметавон, гирифт» .

Паз аз гуфтугӯи зиёд Ҳумоӣ ҷигархаста, ноком рӯй ба саҳро ниҳод. Ашки хунин рехт ва оҳи оташин кашид. Ҳумоюн чун аз ёри хеш маҳчур монд, аз рафтору гуфтори худ хичил гашт.

Маликзода бо ёри паричеҳра аз тарс ба сӯйи дайри кӯҳане, ки дар он дашт буд, шитофт. Аз болои дайр Беҳзодро диданд ва шод шуданд. Ҳумой фармон дод, номае барои Фағфури Чин нависанд, то Ҳумоюнро аз шоҳи Чин хостгорӣ кунад. Фағфури Чин бо дидани нома нороҳат шуд, аммо ба рӯйи худ наёвард ва шоҳзодаро ба боргоҳи хеш фурӯ хонд. Шоҳзода Ҳумой бо вучуди муҳолифати Беҳзод ба даргоҳи Фағфур рӯй оварду Ҳумоюнро бӯстони шоҳӣ равона кард. Ҳумой тамоми шаб гирди қасри Ҳумоюн гашт ва нолид, аммо аз ӯ асаре наёфт.

Паризод аз ҳақиқати моҷаро огоҳ шуд, пинҳонӣ ба боргоҳи вазир рафт, то Ҳумоюнро дар ҷоҳ мулоқот кунад. Дар ин ҳангом Фаринӯш - писари вазир ошиқ Паризод гашт ва беқарор шуд. Ба худ гуфт: «Дардам ба дасти Ҳумой даво мешавад, агар ман нишони ёрашро ошкор созам, ӯ низ коми диламро бармеоварад». Он гоҳ назди Беҳзод рафт ва рози Ҳумоюнро ошкор кард, бо якдигар ба ҷустуҷӯи шаҳзода пардохтанд. Ба ҳар кӯҳ давону бар ҳар сӯй хурӯшон, аммо асаре аз Ҳумой набуд, то ба қарвоне расиданд. Сорбон гуфт:

«Қасе дар доманаи кӯҳ аст, ки нолаи дарднок мекунад, ҳатто шаб ҳам хоб надорад». Ҳар ду бо шитоб ба он самт тохтанд, маликзода чун ҳайвони ваҳшӣ ва раманда ёфтанд, бо найрангу фусун ром гашт.

Фаринӯш гуфт: «Ғам маҳӯр, ки маҳбубаи ту дар сардобае зиндонӣ аст, агар бо ман паймон бандӣ, ки маро ёрӣ кунӣ, то ба висоли Паризод расам, меғӯям, ки ҷононат қучост». Шоҳзода Ҳумой посух дод: «Агар маро ба муродам расонӣ, савганд меҳӯрам, Паризодро агар парӣ ҳам бошад, ба бурҷи ту меоварам». Бо ҳам ба маҳфигоҳи Ҳумоюн рафтанд, моҳро аз ҷоҳ берун оварданду фирор карданд. Саҳаргоҳ муқимони боргоҳи Чин хабар шуданд, сипоҳе оростанд ва омодаи набард шуданд. Саворони Шом ба саркардагии шоҳзода Ҳумой ва Беҳзод бо Чиниён ҷангиданд, то ин ки Фағфури Чин кушта шуд ва Ҳумой бар тахти ӯ нишаст. Ҳумоюн пас аз сӯгворӣ дар марги падар ба ақди шоҳзода Ҳумой даромад. Он гоҳ Ҳумой Паризодро ба Фаринӯш дод ва ўро бар тахти шоҳии Чин нишонд. Худ ба иттифоқи ёрон ба мулки Шом бозгашту ба ҷойи падар бар тахти салтанат нишаст ва Худованд писаре ба номи Ҷаҳонгир ба ӯ ато кард:

Суханро наёяд ниҳоят падид,

Варақ даршикастам чу ин ҷо расид [14, с. 575].

Ҳамин тавр, Ҳумой ва Ҳумоюн пас аз душвориҳо, сарсонӣю саргардониҳо, азобу маҳрумӣято ба муроди дил расидаанд. Дар ин ҷо хатти сужет қатъ мегардад. Бо ин достони ишқии «Ҳумой ва Ҳумоюн» анҷом мепазиранд.

Фасли чаҳоруми боби мазкур «**Пайвандҳои мавзӯӣ ва сохтори достони Ҳочу бо дostonҳои дигар**» ном дошта, ин ҷо таъкид шудааст, ки таъсири «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ ва «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ ба «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу хеле зиёд аст. Ҳочу дар асари мавриди таҳлил аз шахсияти таърихиву адабӣ ва осори Фирдавсӣ баҳраҳои фаровон бурдааст, ки метавон онро дар нуктаҳои зерин мушоҳида намуд:

1. «Ҳумой ва Ҳумоюн» дар вазни мутақорибӣ мусаммани махзуф ё мақсур ба тақлид аз вазни «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ суруда шудааст.

2. Дар достони Ҳочу Ҳумой маҷбур мешавад, ки бо Фағфури Чин бичангад, то битавонад Ҳумоюнро ба даст оварад. Ин абёти «Ҳумой ва Ҳумоюн» ёдоварии абёти «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ аст.

Ҳочу:

Зи гардон сияҳ гашт чашми сипеҳр,

Зи саҳми далерон биларзид меҳр [14, с. 528].

Зи бас сар ки шаҳзода аз тан биканд.

Замин гуфт «То кай?» Замон гуфт: «Чанд?» [14, с. 531].

Фирдавсӣ:

Сияҳ шуд зи гарди сипаҳ офтоб,

Зи пайкони алмосу парри уқоб.

Қазо гуфт гиру қадар гуфт: деҳ,

Фалак гуфт: аҳсанту маҳ гуфт: зеҳ! [37, с. 274]

3. Ҳочуи Кирмонӣ дар «Ҳумой ва Ҳумоюн» мисли Фирдавсӣ дар лобалои ҳаводис нуктаҳои ахлоқии зиёдеро баён мекунад ва ба хонанда панд медиҳад:

Аз «Шоҳнома»:

Чунин аст кирдори гардуни пир:

Гаҳе чун камон асту гоҳе чу тир [36, с. 8].

Аз «Ҳумой ва Ҳумоюн»:

Чунин аст оини гардонсипеҳр,

Ки гоҳаш бувад кинаву гоҳ меҳр.

Қароре нагирад ҷаҳон бар касе,

Ки бодаш ҷаҳонро ҷаҳонҷӯ басте.

Гаҳе суру гоҳе дар ӯ мотам аст,

Муқим аз паси шодмонӣ ғам аст [14, с. 564].

4. Ҳочу дар маснави «Ҳумой ва Ҳумоюн» барои тасвири майдони ҷанг, мочароҳо, ҳарбу пархоши қаҳрамонон, умуман, баёни руҳи ҳамосӣ аз пайи Фирдавсӣ меравад ва дар ин гуна тасвирҳо эҳсос мешавад, ки Ҳочу саҳт зерӣ таъсири лаҳни ҳамосии «Шоҳнома» мондааст.

5. Ҳочу дар дoston гоҳе чун Фирдавсӣ аз дев ва кирдориҳои ин маҳлуқи патёра сухан ба миён меорад ва ба дoston руҳияи афсонаву қиссаро мебахшад. Дар «Ҳумой ва Ҳумоюн» низ мисли «Шоҳнома» қаҳрамони дoston барои ин ки далериву бебокиаш ошкор шавад, бояд ба ҷанги дев биравад, ӯро мағлуб бинамояд, то мақсуди дилашро ҳосил намояд. Чунончи, дар дostonи Ҳочу

«деви зангии одамхор ба номи Самандун» ва «деви Занди чоду»-ро дучор мешавем, ки Ҳумой бо онҳо дар набард мешавад.

Бар иловаи ин ҳама дар «Ҳумой ва Ҳумоюн» истифода аз маводи «Шоҳнома»-ро метавон зиёд ба мушоҳида гирифт. Хангоми баррасиву таҳлили асар хонанда эҳсос менамояд, ки исми қаҳрамонҳои ҳамосаи Фирдавсӣ яке чӯзӣ тасвири бадеӣ ва баёни гӯяндаи «Ҳумой ва Ҳумоюн» қарор гирифтааст.

Дигар падидае, ки таъсири бардошти Хоҷуро аз «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ бештар аён менамояд, ин тасвири гуногуни шабу рӯз ё баромадани офтоб дар достони мавриди таҳқиқ аст.

Дар «Шоҳнома» қасам ё савганд хӯрданро ҳамчун яке аз анъанаҳои шифоии мардумӣ хеле зиёд ба мушоҳида гирифтани мумкин аст, ки ин нукта низ ба қасамномаи Ҳумой таъсир гузоштааст.

Ҳарчанд «Ҳумой ва Ҳумоюн» дар вазни «Искандарнома»-и Низомӣ суруда шудааст, аммо таъсирпазирии Хоҷуи Кирмонӣ дар эҷоди ин достон бештар аз ҳама аз «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ аст. Мазомини дар ситоиши Парвардигор ва наъти Паёмбар (с) гуфташуда дар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Хоҷу моҳиятан мазмуни ин қисмати достони «Хусрав ва Ширин»-и Низомиро ба ёд меорад. Чунончи:

Хоҷу:

Якero диҳӣ болу хонӣ ба хеш,

Якero диҳӣ молу ронӣ зи пеш [14, с.335].

Низомӣ:

Якero пой бишкaстию хондӣ,

Якero болу пар додию рондӣ [8, с. 32].

Хоҷу:

Надонам чӣ омам дар ин боргоҳ,

Ки дорам таманнои инъоми шоҳ.

Кадомин ғуборам бар ин раҳгузор,

Ки бар ман кунад боди лутфат гузор [14, с. 336].

Низомӣ:

Надонам, то мани мискин кадомам,

Зи маҳрумону мақбулон чи номам [8, с. 32].

Ҳамон тавр ки аз абёти болоӣ маълум мешавад, таъсирпазириву баҳрабардориҳои Хоҷуи Кирмонӣ аз Низомӣ дар ин қисмати достон, на танҳо дар истифодаи мазмунҳои ҳамсон, балки дар истифодаи вожаҳои ҳамгун низ, ошкор шудааст. Масалан, дар байти аввали Хоҷу аз 9 вожаи байти Низомӣ 5-тояш – «якero» (ду маротиба), «бол», «хонӣ», «ронӣ» истифода гардидааст. Яъне, 50 дар сади вожагони байти Низомӣ дар байти аввали Хоҷу ба кор рафтаанд. Албатта, дар байти дуюми Хоҷу ин гуна таъсирпазирии вожагонӣ камтар аст. Аммо ҳамин чанд намуна гувоҳ аст, ки Хоҷу бо он огоҳие, ки аз каломи Низомӣ дошт, аз шоир баҳраҳои судманд бардоштааст.

Дар «Хусрав ва Ширин» ва «Ҳумой ва Ҳумоюн» шоирон дар бораи сабаби ба назм даровардани достони мавриди назари худ сухан гуфтаанд. Ин равиш суннате буд, ки дар гузашта маъмул будааст, аммо он чи метавонад мавриди

таваччуҳ бошад, ин аст, ки шабоҳат ва монандии ангезаи Хочу бо ангезаи дostonсарои Ганча аст.

Дар «Хумой ва Хумоюн» Хочу аз шабе ёд мекунад ва шаб аз он нигарон аст, ки ногаҳон рӯзгораш ба анҷом расад ва ёдгоре боқӣ нагузошта бошад. Чун ба хоб меравад, дар хоб чаманзореро мебинад – зебо ва чашмнавоз, ки лӯбате сабзпӯш дар он, дар ҳоли хиромидан аст ва чун нигоҳаш ба Хочу меафтад аз вай меҳаҳад, ки ба сурудани достони «Хумой ва Хумоюн» ҳиммат кунад [14, с. 358-359]. Низомӣ низ дар «Хусрав ва Ширин» аз ҳотифе ёд мекунад, ки чун ўро дамсоз дида, аз вай хостааст, ки биштобад ва даст ба коре занад. Низомӣ ҳам насихатҳои ҳотифро пазируфта, ҳадиси «Хусрав ва Ширин»-ро пай гирифтааст [8, с. 51].

Боби сеюм «Бадеиёти «Хумой Ва Хумоюн»» ном дорад ва аз ду фасл таркиб ёфтааст.

Дар фасли аввали боби мазкур, ки **«Забон ва сабки дoston»** номгузори гардидааст, тарз ва равиши сухани Хочуи Кирмонӣ дар достони «Хумой ва Хумоюн» мавриди таҳлил қарор гирифтааст. Таъкид мешавад, ки дар «Хумой ва Хумоюн» Хочу бо тақозои сабки ироқӣ, аз истилоҳоти фанниву луғоти арабии дучузъаву сечузъа ва такаллуфу тасаннуъ хеле зиёд истифода кардааст. Истифодаи вожаҳои арабӣ ва калимоту ибороти арабии васфӣ заминаи мавзӯӣ доранд ва муносиб бо муҳтавои фикрии муаллиф истифода шудаанд. Чунончи, дар наъти Пайғамбари ақрам [с] Хочу лочарам калимоту ифодаҳои арабӣ ва ҳатто ибороти қуръоние баргузида, ба ин васила сирату ҳашам ва қорнамоиҳои Расули ақрам [с]-ро намоиш медиҳад. Ҳамин ҳолат дар қисмати таҳмиду муноҷот ва мадҳ низ ба мушоҳида мерасад. Аз мавридҳои дигари истифодаи каломии арабӣ дар дoston ин аст, ки Хочу дар асар гоҳо мисраъ ва байтҳои арабиеро қорбасти намудааст, ки ҷанбаи мадҳавию тавсифӣ доранд. Чунин абёти арабии тавсифӣ танҳо дар қисмати муқаддамотӣ ва ё бахши мадҳиявии «Хумой ва Хумоюн» ба мушоҳида мерасанд.

Дар масъалаи қорбурди вожаҳои тоҷикиву форсӣ дар «Хумой ва Хумоюн» муҳтассоти адабии сабки хуросонӣ назар ба сабки ироқӣ бештар ба чашм мерасад. Масалан, дар фасли «Ҷанг қардани Хумоюн бо шоҳзода Хумой» [14, с. 479-481], ки ҷамъулҷамъ аз 430 вожа фароҳам омадааст, аз ин ҳамагӣ 21 калимаи арабӣ аст, ки 4, 88 дарсади вожаҳои умумии фасли мазкурро ташкил медиҳад. Яке аз шохисаҳои муҳими вожагониву забонии сабки ироқӣ ин истифодаи фаровон аз луғоти туркиву муғулӣ аст. Аммо агар аз ин дидгоҳ ба достони Хочу таваҷҷуҳ зоҳир кунем, мебинем, ки басомади калимоти туркӣ дар «Хумой ва Хумоюн» хеле кам аст.

Мо дар «Хумой ва Хумоюн» танҳо ҳафт калимаи туркиро, аз қабили туғрал, ҳоқон, туғро, хон, байрақ, яғлиқ ва санҷақ дучор шудем, ки аксаран бо талаботи мазмуну муҳтавои асар ва вобаста ба ҳолати тасвир сураи гирифтаанд.

«Хумой ва Хумоюн» аз зумраи он дostonҳоест, ки дар он истилоҳоти гуногуни илмӣ истифода шудаанд. Яке аз чунин истилоҳҳо мусталехоти илми нучум (астрология) мебошад, зеро Хочуи Кирмонӣ ба илми ҳайат вуруди қомил дошт ва дар мавридҳои зарурӣ дар ашъораш донишу огоҳии хешро аз ин фан

ба намоиш мегузошт. Яке аз нишонаҳои сабки фардии Хочу дар достон ин истифодаи зиёди истилоҳоти нучум дар мазмунофаринӣ ва баёни маънӣ аст.

Яке аз вижагиҳои сабкӣ «Хумой ва Хумоюн» марбут ба вожаву таркибсозист, зеро баргузидани вожа ва истифодаи таъбиру ибораи нав ҷузви мушаххасоти сабкӣ ҳар як суҳанвар аст. Достони «Хумой ва Хумоюн» аз вожасозии худии суҳанвар саршор аст, ки ба ҳайси падидаи ҳунари ва унсури сабксоз таҷаллӣ намуда, натиҷаи тафаннунҳои фардии шоиранд. Дар идомаи фасли мазкур аз офариниши калимоти мураккаби дучуза, сеҷуза ва чаҳорҷуза дар достони Хочу суҳан ба миён омада, андешаҳои худро бо мисолҳо таҳким бахшидаем.

Фасли дуҷуми боби сеюм «**Воситаҳои тасвири бадеии достон**» номгузори шудааст. Дар ин фасл ишора бар он намудаем, ки Хочуи Кирмонӣ дар маснавии мавриди таҳқиқ аз санъатҳои бадеӣ хеле фаровон истифода карда, ба ин васила ҳунари баланди эҷодкорӣ худро ба намоиш гузоштааст. Истифодаи фаровон аз таҷнису ташбеҳу истиора, маҷоз, такрор, талмех ва дигар санъатҳои бадеӣ аз маҳорати суҳанофаринии шоир дарак медиҳад. Хочуи Кирмонӣ барои арзаӣ ҳунари хеш ба санъатпардозӣ гароида, ин амалро аз нишонаҳои қудрати таъби хеш доништааст.

Таҷнис аз ҷумлаи санъатҳои пурқорбурд ва ҷозибадори маснавии «Хумой ва Хумоюн»-и Хочуи Кирмонӣ ба шумор меравад, ки он дар шевоиву латофати баён ва зебоиву назокати гуфтори суҳанвар хеле таъсиргузор аст. Аз анвои таҷнис дар достон бештар таҷниси том, ноқис, мураккаб, зоиҷ ва хат истифода шуда, барои зоҳир намудани истеъдоди суҳанвар, тақвияти ҷанбаи мусикӣ каломӣ ӯ ва намоиш додани сабки хосси эҷодии шоир мусоидат намудаанд.

Ташбеҳ дар «Хумой ва Хумоюн» барои барҷаста ифода намудани образ ё нишон додани вижагиҳои фардии воҳиди тасвиршаванда имкону шароити бештар фароҳам овардааст. Ҳарчанд Хочуи Кирмонӣ дар ташбеҳсозӣ асосан, анъанаи шоирони пешинро идома додааст, бо вучуди ин, баъзан дар ташбеҳоти ӯ тозагиву навапардозӣҳо ҳам мушоҳида кардан мумкин аст.

Дурафшон шуда маҳ бар ин сабзбоғ,

Чу дар дасти зангӣ фурузончароғ [14, с. 383].

Аксар ташбеҳҳое, ки Хочуи Кирмонӣ дар «Хумой ва Хумоюн» овардааст, моддиву ҳисшаванда буда, хеле устувору бамавқеъ офарида шуда, ташбеҳоти тозаву нав ба ҳисоб мераванд.

Истиора дар достони «Хумой ва Хумоюн»-и Хочу қорбурди зиёд дошта, тавассути он суҳанвар, пеш аз ҳама, ҳақиқати бадеиро образнок, барҷаста ва бофасоҳат баён менамояд. Гузашта аз ин, истиора яке аз воситаҳои тасвиру баёни андешаи шоир аст, ки аз олами ҳаёлу тасаввур ва фазои эҷодкорӣ вай дарак дода, ба каломӣ суҳанвар латофату зебоии хос зам менамояд.

Истиора дар достон асосан, дар заминаи ду мавзӯи тасвир қорбаст шудааст:

1. Ба василаи вожа ва ибороте, ки шоир ошиқ ё маъшукро тавассути онҳо ном мебарад. Ин вожаҳо маъмулан ба ҷойи зикри номи маъшуқа зоҳир мешаванд, ки аксар истиораҳои анъанавӣ буда, қаблан дар назми классикӣ форсу тоҷик истифода шудаанд, монанди «бут», «гул», «дилбар», «кабк»,

«мах», «махпайкар», «офтоб», «оҳу», «парӣ», «париваш», «паризод», «парипайкар», «паричеҳра», «сарв», «шакархо» ва ғайра. Чунончи:

Маликзода гуфт: – «Эй **бути** ховарӣ,

Надонам чӣ кардӣ ба чодугарӣ

К-аз ин гуна шере шикори ту шуд,

Бар ин хоки раҳ хоксори ту шуд?!» [14, с. 387]

2. Калима ва ибораҳое, ки ба ҷойи аносири зебандаи маъшук меоянд, монанди «наргис», «бодом», «оҳу» ба ҷои **чаши**, «ёкут», «гулоб» ба ҷои **ашк**, сарв, ростсарв, сарви озод, шамшод, ар-ар, тӯбӣ ба ҷойи **қад** ва ғ. Мисол:

Ба чилва дароварда **шамшодро**,

Бале, **ростисарви озодро** [14, с. 403].

Хочу дар достон гоҳе барои боз ҳам сареҳ ва равшантар ифода кардани фикраш калимаю таркибе ва ё ибораеро интихоб менамояд, ки фикри асосӣ бо он беҳтар зоҳир мешавад. Ин калима ё ибора ба тарзи таъкид дар як байт ва ё якчанд байт гаштаву баргашта такрор меёбад. Дар достони «Хумой ва Хумоюн»-и Хочу аз анвои такрор бештар такрори мутлақ ба кор рафтааст. Дар ин навъи такрор вожаҳои такроршаванда ба таври кулӣ аз ҷиҳати маъно яхеланд, аммо дар баробари ин дар таркиби ҷумла побанди ҳам нестанд ва ҳар яке дар ҷойи худ мустақилу озод афтодаанд. Чунончи, дар ин байти «Хумой ва Хумоюн»:

Ки эй рафта аз дида поят ба гил,

Хирад рафта аз дастат аз дасти дил [14, с.389].

Дар ин байт вожаҳои «рафта» дар мисраи аввалу сонӣ ва «даст» дар мисраи дуюм такрори мутлақанд, зеро онҳо дар матн ба як маънӣ омада, яке ба дигаре пойбанд нест, яъне ҳар яке мутлақо озоданд. Ҳамзамон, дар «Хумой ва Хумоюн» такрор омили таъсиринок сохтани маънӣ аст.

Ҳамчунин, дар идомаи фасли мазкур дар мавриди истифодаи тавсифу сифатчинӣ, муболиға, нағмаи ҳуруф ва тарсеъ барин саноеи адабӣ дар «Хумой ва Хумоюн», ки намоёнгари ҳунари суҳанофаринӣ ва маънисозии шоиранд, суҳан ба миён омадааст.

Хулоса

Аз омӯзишу таҳқиқ ва баррасии рӯзгору осори Хочуи Кирмонӣ ва достони «Хумой ва Хумоюн»-и ӯ чунин бармеояд, ки дар баробари он таҳқиқоте, ки дар адабиётшиносии ватаниву хориҷӣ доир ба арзишу аҳамияти осори Хочу ба анҷом расидааст, боз ҳам осори ин шоири маъруф, хосса достони «Хумой ва Хумоюн»-и ӯ ниёзи бештаре ба пажӯҳиш дорад.

Омӯзишу таҳқиқи вижагии ғоявӣ бадеии достони «Хумой ва Хумоюн» моро ба натиҷаи муайяне мерасонад, ки онҳоро метавон ҳамчун хулосаҳои илмӣ диссертатсия ба таври зайл баршуморӣ кард:

1. Аз баррасӣ ва омӯзиши ном, таҳаллус ва алқоби Хочуи Кирмонӣ маълум шуд, ки дар ин хусус дар адабиётшиносӣ баҳсу андешаҳои ба ҳам муҳолиф мавҷуданд. Баҳсу назарҳои дар ин мавзӯ ба миён омадаро таҳлил намуда, дар асоси сарчашмаҳо метавон муайян кард, ки Хочуи Кирмонӣ рӯз, моҳ ва соли таваллуди хешро дар ашъораш ба таври ошкоро ва фаҳмо баён намудааст, ки ин

чихати дурӣ чустан аз ҳама гуна иштибоҳу тахминҳо, ки дар тайъини таърихи таваллуди аксар шоирони классики форсу тоҷик ба миён меояд, мусоидат менамояд. Ҳамчунин, шоир номи воқеии худро ба вузӯҳ дар ашъораш баён мекунад ва бо ин амали хеш тамоми баҳсҳои мутазадро, ки перомуни ин мавзӯ миёни соҳибназарони гузаштаву имрӯз ба вуҷуд омада буданд, аз байн мебарад. Таҳаллуси шоир – Ҳочу дар баробари он ки мансубияти шоирро ба хонаводаи бузургон – хоҷагон ифода намояд, ба шеваи гуфтори мардуми Қирмон – зодгоҳи шоир низ бевосита рабт дорад, ки аз мадди назари пажӯҳишгарон дур мондааст. Лақабу унвонҳои ифтихории Ҳочуи Қирмонӣ – «нахлбанди шуаро», «халлоқулмаонӣ», «маликулфузало» ба эътибор, қудрату таъъ ва ҳунару навгароии ӯ дар ҳунари шеърӣ иртибот доранд [2-М].

2. Аз Ҳочуи Қирмонӣ мероси арзишманде то замони мо омада расидааст, ки аз ҳар чихат шоистаи омӯзишу пажӯҳиш мебошанд. Ҳочуи Қирмонӣ дар эҷоди ғазал маҳорату истеъдоди ғавқулодае доштааст, ки бидуни шак, ӯро метавон дар радифи бузургтарин ғазалсароён асри худ – Ҳоҷа Ҳофизи Шерозӣ ва Шайх Камоли Хуҷандӣ гузошт ва шинохт. Ҳочу дар эҷоди анвои гуногуни шеър, аз қабилӣ қасида, мусаммат, тарҷеъбанд, таркиббанд, китъа ва рубой қудрату тавоноии зиёд нишон дода, барои густаришу таҳаввули ин жанрҳо хидмати арзанда намудааст. Аз мутолааи осори арзишманде, ки аз Ҳочуи Қирмонӣ ба мерос мондааст, чунин бармеояд, ки воқеан, ӯ дӯстдори пешаи худ буда, умри азизашро дар ин роҳ ба сар овардааст. Аз ин рӯ, Ҳочу дар замони зиндагӣ ва баъд аз даргузашташ аз ин дунёи фанӣ то ба имрӯз назди ҳамагон маҳбубу мақбул аст [2-М; 6-М].

3. Ҳочуи Қирмонӣ дар эҷоди маснавӣ низ маҳорату ҳунарнамоии ғавқулодаи хешро нишон дода, анъанаи ҳамсанависиро дар адабиёти асри XIV идома дода, бо эҷоди ду достони саргузаштии марғуб – «Ҳумой ва Ҳумоюн» ва «Гул ва Наврӯз» чун устоду идомабахши достонҳои ишқӣ-романтикӣ эътироф гардидааст [6-М].

4. Нусхаҳои хаттии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн», дар китобхонаҳои маъруфи Русия, Амрико, Британия, Олмон, Ҳиндустон, Покистон, Эрон, Туркия, Озарбойҷон, Ёзбекистон ва Тоҷикистон нигоҳдорӣ мешаванд. Аз мундариҷаи феҳристҳои нусхаҳои хаттӣ маълум гардид, ки дар китобхонаҳои олам «Ҳумой ва Ҳумоюн» дар 97 дастхат ба шакли алоҳида, дар таркиби «Куллият» ва «Ҳамса»-и шоир ба қайд гирифта шудаанд. Бисёре аз ин нусхаҳо аз китобхонаҳои Эрон дастрас кардан мумкин аст [3-М; 4-М].

5. Чустуҷӯ ва мутоилаи феҳристҳои нусхаҳои хаттии форсӣ ва таҳқиқоти адабиётшиносон собит кард, ки дар китобхонаҳои шаҳрҳои Қуния [1 нусха], Истамбул [7 нусха], Техрон [1 нусха], Лондон [2 нусха], Мюнхен [1 нусха], Тошканд [3 нусха], Калкутта [1 нусха], дар маҷмӯъ, 44 нусхаи дастнависи «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Қирмонӣ мавҷуд мебошад. [4-М].

6. «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Қирмонӣ, ки онро Камол Айнӣ дар асоси чаҳор нусхаи қаламӣ тасҳеҳ ва нашр намудааст, аввалин матн бо роҳи муқобалаи нусхаҳои хаттӣ тасҳеҳгардида мебошад, ки аз соли 1348 ҳ.ш. / 1970 м. инҷониб дар истифодаи аҳли адаб қарор дошта, арзиши илмӣ хешро ҳанӯз аз даст надодааст, аммо таҳқиқи матншиносии наشري мазкур собит сохт, ки

новобаста аз равиши интихобкардаи нақду тасҳеҳи матн, бо истифода аз нусхабадалҳои дар ҳошия зикрнамудаи мусахҳеҳ имкони боз ҳам сатҳу сифати танқеҳи матнро баланд бардоштан мавҷуд аст [4-М].

7. «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ дар таърихи адабиёти форсу тоҷик достони аз нигоҳи мазмуну мундариҷа нава аст. Ҳарчанд номҳои Ҳумой ва Ҳумоюн дар «Шоҳнома»-и Фирдавсӣ ва «Ҳафт пайкар»-и Низомӣ якҷанд маротиба вомехӯранд, дар таърихи адабиёти форсу тоҷик пеш аз Ҳочу ва баъд аз ӯ ҳеҷ кас достони ҷудогонае иншо накардааст. Ҳочу барои достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» вазни мутақорибӣ мусаммани маҳфуз/мақсурро (V - - / V - - / V - - / V- (V ~) интихоб намудааст, ки пеш аз ӯ дар ин вазн танҳо достонҳои ҳамосӣ («Шоҳнома»-и Фирдавсӣ ва «Искандарнома»-и Низомӣ) эҷод шудаанд ва бо ин кор ба анъанаи эҷоди достонҳои ишқӣ дар вазни мутақориб асос гузоштааст [1-М; 8-М].

8. Сарчашмаи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ сужету мазмуни яке аз афсонаҳои қадимаи эронӣ будааст, ки дар ин хусус муаллифи асар ишораҳои малеҳе низ кардааст [3-М].

9. Дар бораи сохту мундариҷаи куллии достон бояд гуфт, ки ҳарчанд ин асар аз нигоҳи мазмуну муҳтаво тоза ба назар мерасад, Ҳочу дар ин асари худ, то андозаи зиёде таҳти таъсири суннати достонпардозии дигарон боқӣ мондааст. Дар сурудани «Ҳумой ва Ҳумоюн» Ҳочу бештар ба шеваи Фирдавсиву Низомӣ ва маснависароёни асри XIII назар доштааст, вале бояд гуфт, ки пайравии ӯ танҳо дар шеваи кор аст, на бар асоси маншаи он [6-М; 8-М].

10. Аксари муҳаққиқон қайд менамоянд, ки Ҳочуи Кирмонӣ дар эҷоди «Ҳумой ва Ҳумоюн» бештар таҳти таъсири Низомӣ мондааст, аммо инсофан бояд гуфт, ки Ҳочу дар сохтори достони ҳеш дигаргуниҳои ҷашмрасеро ҳам ба вучуд овардааст [6-М].

11. Аз муқоиса ва баррасии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу бо «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ бармеояд, ки Ҳочу бештар аз ҳама ба достони «Хусрав ва Ширин» таваҷҷуҳ дошта, аз Низомӣ таъсири зиёд пазируфтааст, ки аз ин ҷиҳат баъзе аз донишмандон «Ҳумой ва Ҳумоюн»-ро назирае ба «Хусрав ва Ширин» гуфтаанд. Бо вучуди ин ҳамоҳангӣ, ки байни ин ду достон ба назар мерасанд, ҳаргиз наметавон гуфт, ки Ҳочу як муқаллид буд ва ҳеҷ ҳунаре аз худ нишон намодааст. Балки Ҳочу аз пайравони муваффақи Ҳаким Низомӣ аст, ки дар бештари маврид кӯшиш намудааст, ҳунару истеъдоди худро дар баёни воқеаҳои достон ба кор барад ва то ҷое муваффақ ҳам шудааст. Дар ҳама маврид Ҳочу сабӣ бар он дорад, ки беҳтару хубтар аз пешиниён достони ишқӣ худро, хосса аз Низомӣ баён кунад [6-М; 7-М].

12. Тарз ва равиши сухани Ҳочуи Кирмонӣ дар достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» бо сабки роичу маъмули замони зиндагиву эҷоди суханвар – асри XIV иртибот дорад. Дар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочу, бо тақозои сабки ироқӣ, истилоҳоти фаннӣву луғоти арабии дучузъаву сечузъа ва тақаллуфу тасаннуъ хеле зиёд истифода гардида, аммо ин ба маърифати матлабҳои шоир халал ворид накардааст, зеро хонанда хангоми мутолиаи достон ҳеҷ гоҳ осори ҳастагиро эҳсос намекунад. Ҳочу барои баёни афкори авотиғи худ саноеи

бадеии лафзиву маънавӣ ва баъзе аз аносири сабки хуросониرو чунон моҳирона истифода намудааст, ки гуногунии онҳо осори ҳама гуна ранҷи равониву кайфияти нохушро рафъ месозад [5-М; 7-М].

13. Дар масъалаи корбурди вожаҳои ноби тоҷикиву форсӣ дар «Ҳумой ва Ҳумоюн» мухтассоти адабии сабки хуросонӣ назар ба сабки ироқӣ бештар ба чашм мерасад, ҳарчанд ки Ҳочу дар дoston ба овардани калимаву ибороти арабӣ ё вожаҳои сечузъаву чаҳорчузъаи тоҷикӣ низ майли тамом дорад [1-М].

14. «Ҳумой ва Ҳумоюн» аз нигоҳи истифодаи калимоти туркиву муғулӣ, ки дар сабки ироқӣ назар ба сабки хуросонӣ истеъмоли онҳо хеле зиёд гардид, низ қобили таваҷҷуҳ аст. Вожагони туркиву муғулӣ дар дoston басомади чашмрасе надоранд ва вожаҳои иқтибосии ғайрифайол ба ҳисоб мераванд. Корбурди онҳо аксаран, бо талаботи мазмуну муҳтавои асар ва вобаста ба ҳолати тасвир сурат гирифтааст [3-М; 9-М].

15. Аз баррасии ҷанбаҳои ҳунарий ва бадеии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» маълум гардид, ки Ҳочу бо корбурди санъатҳои сухан ва аносири бадеӣ асари худро зинат бахшида, омилҳои тасвири бадеиро ҷиҳати муассиру матлуб гардидани афкораш корбаст намудааст. Дар «Ҳумой ва Ҳумоюн» истифодаи таҷнис, ташбеҳ, истиора, муболиға, такрор, тавсифу сифатчинӣ барин ороҳои адабӣ ҷиҳати таъйини сухани шоир мусоидат намуда, ҳунари суханорории Ҳочуи Қирмониро ошкор намудааст [5-М; 7-М].

Тавсияҳо барои истифодаи амалии натиҷаҳои таҳқиқ

Аз омӯзиши мавод ва баррасии масъалаҳои дар диссертатсия матраҳшуда чунин бармеояд, ки он нахустин пажӯҳиши фарогир роҷеъ ба масъалаҳои матншиносӣ ва поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Қирмонӣ мебошад. Аз ин рӯ, бо натиҷагирӣ аз таҳқиқи мавзӯ ҷиҳати истифодаи амалии он чунин тавсияҳо пешниҳод карда мешаванд:

1. Диссертатсия метавонад, барои омӯзиш ва таҳқиқи адабиёти асри XIV, вижагиҳои осори манзум, хосса дoston (маснавӣ)-ҳои асри мазкур, масъалаҳои матншиносӣ ва поэтикаи ин навъ осор мусоидат намояд.

2. Матолиби дар диссертатсия ироашуда барои ошно намудани доираи васеи хонандагону дӯстдорони адабиёти бадеӣ бо паҳлуҳои нави зиндагиву ғайриҷаҳони эҷодии Ҳочуи Қирмонӣ ва маҳорати дostonсароии ӯ метавонанд, хидмат кунанд.

3. Бо таъкиди бар муътабартарин ва қадимтарин нусхаҳои хаттӣ барои таҳия ва ҷопи илмию интиқодии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Қирмонӣ ва дар маҷмӯъ, «Ҳамса»-и ӯ ба хатти кириллӣ бо ҷалби бештари муҳаққиқони дохиливу хориҷӣ метавонад, мусоидат намояд.

4. Дар асоси натиҷагирӣҳои дар диссертатсия баанҷомрасида метавон пайвандҳои мавзӯӣ ва сохтории достони Ҳочу бо дostonҳои дигари адабиёти форсу тоҷик мавриди омӯзиш қарор гирад.

5. Натиҷаҳо ва ҳулосаҳои таҳқиқоти мазкурро метавон дар амалияи илми адабиётшиносӣ, баҳусус ҳангоми таълими масоили марбут ба таърихи адабиёти классикии тоҷик, нусхашиносӣ, матншиносӣ, сарчашмашиносӣ, вижагиҳои поэтикӣ ва таҳлили филологии матн истифода кард.

Интишорот аз рӯйи мавзӯи диссертатсия

I. Таълифоти муаллиф дар маҷаллаҳои тақризшавандаи Комиссияи олии аттестатсионии назди Президенти Ҷумҳурии Тоҷикистон:

[1-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Вижагиҳои сохторӣ ва мундариҷавии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2016. – №3 (48). – С.135-138.

[2-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Баъзе қайдҳо дар бораи номи аслӣ, таҳаллус ва алқоби Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2019. – №4 (61). – С.97-103.

[3-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Чанд мулоҳиза оид ба сарчашмаи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – Хучанд, 2020. – №1 (82). – С.79-85.

[4-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.), Тоҷибоев, Ш.Ғ. Нусхашиносии «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / Ш.Ғ. Тоҷибоев, М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – Хучанд, 2021. – №1 (86). – С.42-52.

[5-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Такрор ва анвои он дар достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2022. – №1 (70). – С.120-124.

[6-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Таъсири «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ бар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2024. – №1 (78). – С.237-244.

II. Мақолаҳои муаллиф дар маҷмуа ва маҷаллаҳои дигари илмӣ:

[7-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Таҷнис ва анвои он дар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Сӣ соли пуршараф. Маҷмуаи мақолаҳо оид ба масъалаҳои рушди сиёсат, иҷтимоӣ, иқтисод, фарҳанг ва илму маориф бахшида ба 30-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Хучанд, 2021. – С. 291-299.

[8-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Влияние Фирдоуси на «Хумай и Хумаюн» Ходжу Кирмани / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (г. Белгород, 2024. – 30 сентября). – Белгород, 2024. – С. 5-10.

[9-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.), Тоҷибоев, Ш.Ғ. Истилоҳоти нучум дар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова, Ш.Ғ. Тоҷибоев (М.М. Муҳаммадзода) // Созидательный импульс

развития современной науки. Сборник статей III международной научно-практической конференции (г. Петрозаводск, 2024. – 14 октября). – Петрозаводск, 2024. – С. 128-132.

[10-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.). Нигоҳе ба мухтавои достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Чустучӯҳои илмӣ (Маводи конференсияи илмӣ-назариявӣ ҷумҳуриявӣ, ба ифтихори 80-солагии профессор С.Саидов). – Душанбе: ДДОТ ба номи С. Айни, 2025. – С.177-185.

[11-М]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.). Вижагиҳои забонӣ ва сабкии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова, (М.М. Муҳаммадзода) // Боқӣ Раҳимзода ва муҳити адабии садаи XX (Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ дар мавзуи «Боқӣ Раҳимзода ва муҳити адабии садаи XX»). – Душанбе: ДДОТ ба номи С. Айни, 2025. – С.232-242.

**ХУДЖАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА БОБОДЖОНА ГАФУРОВА**

На правах рукописи

УДК: 891.550 (83.3-М-85)

МУХАММАДЗОДА МАЪРИФАТ МУХАММАДЖОН

**ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТОЛОГИИ И ПОЭТИКИ
ПОЭМЫ «ХУМОЙ И ХУМОЮН» ХОДЖУ КИРМАНИ**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук по
специальности 10.01.00 – Литературоведение
(10.01.08 – Теория литературы. Текстология, кодикология)

Душанбе – 2025

Диссертация выполнена на кафедре таджикской классической литературы ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Научный руководитель: **Тоджибоев Шарифджон Гайбуллоевич** – кандидат филологических наук, доцент кафедры таджикской классической литературы ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Бободжона Гафурова».

Официальные оппоненты: **Асозода Хотам Раджаб** – доктор филологических наук, дотсент, Генеральный директор Государственного учреждения «Республиканский музейный комплекс Куляба»

Боев Шавкат Элмуродович – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории литературы Таджикского международного университета иностранных языков имени Сотима Улугзоды.

Ведущее учреждение: Институт языка и литературы имени Рудаки Национальная академия наук Таджикистана

Защита диссертации состоится «25» февраля 2026 года, в 15:00 часов на заседании диссертационного совета 6D.KOA-099 при Таджикском государственном педагогическом университете имени Садриддина Айни (734003, Республика Таджикистан, г. Душанбе, проспект Рудаки, 121, зал учёного диссертационного совета).

С диссертацией и её авторефератом можно ознакомиться в библиотеке и на официальном сайте Таджикского государственного педагогического университета имени Садриддина Айни (734003, г. Душанбе, проспект Рудаки, 121) и на сайте: www.tgpu.tj.

Автореферат разослан «_____» _____ 2026 года.

Учёный секретарь диссертационного совета,

кандидат филологических наук, доцент

Адрес: г. Душанбе, р. Исмоили Сомони, ул. Сурхоб 5.

E-mail: abduhamid.shoev@mail.ru

Телефон: (+992) 935364303

Шоев А.А.

Введение

Актуальность темы исследования. История персидско-таджикской литературы хранит на своих страницах имена и описание деятельности многочисленных литераторов, внесших своими бессмертными произведениями весомый вклад в развитие персидско-таджикской литературы.

Жизнь и творчество некоторых из персидско-таджикских литераторов в достаточной мере исследованы в отечественном литературоведении и в мировом востоковедении, всесторонне изучены их поэтическое мастерство и особенности творческой школы. Однако жизнь и творческая деятельность некоторых персидско-таджикских литераторов до сих пор остается вне поля научных изысканий или им уделяется мало внимания.

Камолиддин Абулато Махмуд ибн Али ибн Махмуд Муршиди Ходжу Кирмани, известный в истории литературы под псевдонимом Ходжу Кирмани, относится к литераторам, к творчеству которых исследователи не проявили должного внимания. Ходжу Кирмани – один из величайших представителей персидско-таджикской литературы, современник известнейших сочинителей газелей Ходжи Хафиза Ширази и шейха Камола Худжанди. Ходжу Кирмани обладал большим талантом в сочинении газелей. Иранский литературовед Ахмад Сухайли Хонсори в предисловии к дивану Ходжу приводит многочисленные примеры заимствований и подражания Хафиза Ширази творениям Ходжу Кирмани, из чего можно сделать вывод о степени влияния поэта из Кирмана на Хафиза Ширази. В диване Хафиза можно встретить многочисленные бейты, созданные под влиянием или в подражание бейтам из газелей Ходжу. Несмотря на собственную славу и признанное мастерство в сочинении газелей, Хафиз Ширази признаёт, что в сложение газелей он следует «манере Ходжу»:

Устои ғазал Саъдист пеши ҳама кас, аммо

Дорад сухани Ҳофиз тарзи сухани Хочу [42, с. 227].

Мастером газели признают все Саади, но

в манере творчества Хафиз следует за стилем Ходжу [42, с. 227].

Осуществлены специальные исследования о влиянии творчества Ходжу Кирмани на Хафиза Ширази, среди которых прежде всего необходимо отметить заметки и соображения Шибли Нумони в «Шеър-ул-Аджаме» [25, с. 186]. Интересные изыскания по этой проблеме принадлежат перу иранских ученых М. Муина, [22, с. 512] Б. Хуррамшохи [40, с. 123, 154, 168] и таджикского литературоведа К. Айни [1; 2; 3].

Давлатшох Самарканди пишет о Ходжу Кирмани следующее: «Из благородного сословия Кирмана, эрудирован и златоуст. Эрудированные и высокочтимые люди его слова (поэзию) в красноречии и изяществе стиля признают бесподобными и называют его «Нахлбанди шуаро» («Делающий искусственные цветы среди поэтов»)» [29, с. 238]. Несмотря на это, есть очень много неясных и неисследованных моментов в жизненном и творческом пути Ходжу, в некоторых аспектах его настоящего имени, в поэтическом псевдониме и почетных титулах и произведениях этого выдающегося мастера художественного слова. Не становилась объектом отдельного исследования

роль Ходжу Кирмани в развитии традиций составления любовно-романтических поэм в персидско-таджикской литературе. И это несмотря на то, что Ходжу Кирмани обладал недюжинным талантом в сочинении любовно-романтических поэм. Его перу принадлежат две поэмы с оригинальной тематикой, которые до него не имели прецедента в персидско-таджикской классической поэзии: «Хумой и Хумоюн» и «Гул и Нарӯз».

Исследование поэмы «Гул и Нарӯз» имеет богатую традицию в отечественном и зарубежном литературоведении [32; 33; 34; 4; 5; 20; 35]. Однако до сих пор отсутствует специальное исследование, посвященное текстологии и идейно-художественным особенностям поэмы Ходжу Кирмани «Хумой и Хумоюн».

Поэма «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани трижды издана в Иране и Таджикистане, однако ни одно издание до сегодняшнего дня не стало объектом текстологического анализа. Несмотря на то, что данная поэма в тематическом плане вполне укладывается в традиционный ряд любовных поэм, в плане формы и структуры она имеет определенные преимущества по сравнению с другими персидско-таджикскими поэмами. В этом произведении и Ходжу Кирмани новаторски нарушает некоторые традиционные каноны сочинения поэм, существовавшие до него, демонстрирует интересные начинания и новшества, которые оказались вне поля зрения исследователей персидско-таджикской литературы. Более того, до сих пор не определены поэтические, эстетические и стилевые аспекты «Хумой и Хумоюна» Ходжу Кирмани, поэта, удостоенного почетных прозвищ «Нахлбанди шуаро», «Халлок -ул-маони» («Создатель смыслов») и «Малик-ул-фузалло» («Царь эрудитов»). В поэме «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани проявляет чрезвычайно высокое мастерство в использовании художественных средств изображения, которые достойны глубокого всестороннего изучения. Однако до сих пор в таджикском литературоведении данной проблеме не уделялось должного внимания. Таким образом, актуальность выбора темы диссертации обосновывается необходимостью исследования текстологических проблем поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани в целом и определения особенностей поэтики произведения в частности.

Степень изученности темы. В отечественном и зарубежном литературоведении жизнь и творчество Ходжу Кирмани привлекло внимание многочисленных исследователей, в том числе Ч.П. Рьё, П. Хаммера, Б.А. Дорна, Х. Эте, Ф.И. Эрдмана, Ш. Шефера, И. Питси, Э. Брауна, А. Крымского, Я. Рипки, Е.Э. Бертельса, И.С. Брагинского, Е.М. Мелетинского, А. Назира, С. Нафиси, В. Дастгирди, З. Сафо, С. Хонсори, С.Н. Кирмани, Х. Масрура, Н. Ахмада, Т. Биниша, М. Мудаббири, М. Муина, Г. Алиева, Ф. Копрулу, М. Кязимова, Б. Гулиевой, З.А. Аллахвердиевой, Н. Сайфиева, К. Айни, Ш. Рахмонова, Дж. Саидзода, Ш. Г. Таджибоева, Ф. Нуруллозода, Б. Рахматова, А.Б. Сатторова, П. Дадоходжаевой и других. Необходимо отметить, что указанные исследователи рассматривали жизнь и творчество Ходжу Кирмани с разных точек зрения, которые можно разделить на следующие группы:

1. Сведения из тезкире.

2. Информация от составителей каталогов письменного наследия.
3. Сведения из энциклопедий.
4. Предисловия составителей и издателей к дивану поэта и его «Пятерице».
5. Различные статьи в журналах, выступления на конференциях, материалы в сборниках статей и т.д.
6. Отдельные исследования.

Сведения из средневековых тезкире служат в качестве важнейшего литературного источника по изучению жизни и творческого пути Ходжу Кирмани. Хотя сведения из тезкире невозможно воспринимать как научное исследование, подобная информация имеет большое значение для определения и систематизации этапов жизни и творчества литераторов, в том числе Ходжу Кирмани. О перипетиях жизни и творческой деятельности Ходжу Кирмани представлены сведения в тезкире «Оташкада» Лутфалибека Озара, «Тарихи нигористон» Кози Ахмада Гаффори, «Тазкират-уш-шуаро» Давлатшаха Самарканди, «Майхона» Мулло Абдуннаби Казвини, «Райхонат -ул-адаб» Мухаммада Али Мударриса Табрези и других. Эти сведения в основном отличаются краткостью и чаще всего состоят из разрозненных заметок и соображений. В большинстве случаев авторы тезкире повторяют друг друга и их сведения нередко не лишены недостатков и изъянов.

В таджикском литературоведении также осуществлен ряд интересных исследований, посвященных разным аспектам жизни и творческого наследия Ходжу Кирмани, у истоков которых находится цикл статей и текстологических работ Камола Айни, посвящённых дивану Ходжу и его отдельным поэмам. Камол Айни еще в 60-е годы прошлого столетия проявил интерес к творчеству Ходжу Кирмани и опубликовал избранные стихи поэта [19]. На основе редких рукописей из библиотек Советского Союза, Англии и Ирана он подготовил критическое издание известных поэм Ходжу Кирмани «Хумой и Хумоюн» (Тегеран 1969, 1999) и «Гул и Навруз» (Тегеран 1972, 1991) [12; 13].

Связь исследования с программами и научными темами. Диссертационное исследование выполнено на основе указаний из решения Правительства Республики Таджикистан от 26 сентября 2020 года, № 503 «О прерогативных направлениях научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021-2025 годы» и Перспективной программы научно-исследовательских работ кафедры таджикской классической литературы ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова» по направлению «Текстология, подготовка, редактирование и издание литературных произведений».

Общая характеристика исследования

Цель исследования. Целью диссертационного исследования является изучение текстологических аспектов и поэтики поэмы «Хумой и Хумоюн». С учетом поставленной цели важнейшей целью работы также ставится критическое изучение рукописей и опубликованных списков поэмы «Хумой и Хумоюн», структуры и источников, литературно-художественных и стилевых особенностей поэмы с точки зрения литературного мастерства.

Задачи исследования. Работа написана с целью определения проблем текстологии и поэтологических особенностей поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани, в частности представления рукописных списков и изданий поэмы, исследования источников произведения, его структуры и содержания, новаторства и инициатив поэта, восприимчивости автора поэмы к мастерству предшествующих сочинителей поэмы, манеры изложения и стиля произведения. В процессе исследования указанных подтем осуществлено изучение жизни и творчества Ходжу под новым углом зрения на основе первостепенных и новых источников, что позволило создать предпосылки для углубленного изложения центральной темы диссертационной работы. Для достижения цели и всестороннего раскрытия темы намечено выполнение следующих задач:

- представить новый угол зрения на изучение жизни Ходжу Кирмани, а также на его подлинное имя, прозвища, почетные титулы и литературный псевдоним на основе литературных и исторических источников;
- исследовать литературное наследие и важнейшие сочинения Ходжу Кирмани и установить их место в истории таджикско-персидской литературы;
- ознакомиться с рукописными списками поэмы «Хумой и Хумоюн», хранящимися в известных библиотеках мира, на основе сведений из каталогов и сопоставления сведений авторов каталогов;
- критически исследовать рукописные списки и издания поэмы «Хумой и Хумоюна» Ходжу Кирмани и определить их место в истории персидско-таджикской литературы и текстологии;
- определить источники поэмы «Хумой и Хумоюн» и историю появления имен основных героев поэмы в персидско-таджикской культуре;
- изучить структурные особенности произведения и определить восприимчивость автора, черты его новаторства, внесенные им изменения в канон создания поэмы;
- исследовать поэму «Хумой и Хумоюн» в содержательно-тематическом плане, установить идейно-тематические особенности произведения;
- изучить влияние предшествующих сочинителей месневи на творчество Ходжу Кирмани, установить общие и отличительные особенности Ходжу в сочинении месневи;
- определить вклад Ходжу Кирмани в сложение любовно-романтических поэмы;
- выделить особенности стиля, манеры изложения и использования им художественных средств изображения.

Объект исследования. Основным объектом исследования является литературное наследие Ходжу Кирмани, в частности его поэма «Хумой и Хумоюн».

Предмет исследования. Определение проблем текстологии и поэтики поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани.

Теоретические основы исследования. Теоретическую основу диссертации составляют исследования зарубежных и отечественных ученых Ч.П. Рьё, П. Хаммера, Б.А. Дорна, Х. Эте, Ф.И. Эрдмана, Ш. Шефера, И. Питси, Э. Брауна, Э. Крымского, Я. Рипки, Е.Э. Бертельса, И.С. Брагинского, Е.М.

Мелетинского, С. Нафиси, В. Дасгирди, З. Сафо, С. Хонсори, А. Родфара, С.Н. Кирмани, Х. Масрура, Н. Ахмада, Т. Биниша, М. Мудаббири, Г. Алиева, Ф. Копрулу, М. Кязимова, А. Мирзоева, Р. Ходизода, К. Айни, Х. Мирзозода, А. Афсахзода, Х. Шарипова, Н. Сайфиева, А. Насриддинова, Н. Салими, Н. Абдолова и других.

Методологические основы исследования. Диссертация написана на основе общеизвестных литературоведческих методов, в число которых входят сравнительно-исторический, аналитико-сопоставительный, аналитико-статистический, текстологический, концепция анализа языка и стиля художественных произведений и исследование структуры художественного произведения.

Источники исследования. Исследование жизни и творчества Ходжу Кирмани осуществлено прежде всего на основе произведений самого литератора, в первую очередь «Дивони ашъор» (под редакцией Ахмада Сухайли Хонсори) и его месневи «Гул и Навруз», «Равзат-ул-анхор», «Камолнома», «Рисолат-ул-бодия». При установлении и уточнении некоторых подробностей из жизни и творчества Ходжу диссертант использовал сведения из тезкире и других литературных источников.

При исследовании поэмы «Хумой и Хумоюн» использовано издание произведения, осуществленное под редакцией Камола Айни [15] и Сайида Ниёза Кирмони [16], а также таджикистанское издание месневи, опубликованное Бахромом Рахматовым, Окилбоем Окиловым и Шоирой Олимовой [14] в составе «Хамсе» Ходжу Кирмани. Также в процессе исследования темы были использованы и в необходимых случаях процитированы диваны поэтов, каталоги, литературные произведения и научные труды, связанные с рассматриваемой темой.

Научная новизна исследования. Впервые в таджикском литературоведении поэма «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани становится объектом отдельного монографического исследования. Поэтому всестороннему подробному анализу подвергнут комплекс проблем, связанных с данным произведением, в том числе произведено изучение списков поэмы и проблемы её корректировки и издания, раскрыты источники поэмы, названы причины и цели написания произведения, раскрыта структура и жанровые особенности, манера изложения и использование художественных средств изображения и т.д. Также в процессе исследования основной темы с новой точки зрения и на основе произведений самого поэта и научных источников, относящихся к рассматриваемой теме, впервые представлены новые документы и материалы о его почётных титулах и псевдониме, что создаёт благоприятные предпосылки для углубленного анализа некоторых аспектов жизни Ходжу.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В отечественном и зарубежном литературоведении о жизни и творческом наследии Ходжу Кирмани, особенно о жизненных перипетиях и диване его стихотворений, написаны многочисленные работы, однако до сих пор остается очень много нерешенных вопросов, связанных с изучением его жизненного пути, в частности с настоящим именем, причиной выбора

литературного псевдонима, о почетных званиях и титулах, о творческом наследии этого известного персидско-таджикского поэта, которые могут содействовать более полному выяснению роли и места поэта в литературе и раскрытию его социально-духовного мира.

2. В персидско-таджикской литературе Ходжу Кирмани является продолжателем традиций составления хамсе (хамсенаписания) и третьим поэтом после Амира Хисрава Дехлави, написавшим полный ответ на «Пятерицу» Низами Ганджеви. Благодаря циклу поэм Ходжу «Пятерица» в персидско-таджикскую литературу проникли совершенно новые темы, сюжеты, образы философско-мистического и нравственно-дидактического характера.

3. В библиотеках мира хранятся многочисленные рукописи поэмы «Хумой и Хумоюн», что свидетельствует о славе и всеобщем признании этого произведения читателями. Некоторые списки поэмы хранились в библиотеках царей и султанов и читались для придворных. Большая слава и распространенность поэмы была обусловлена ее содержанием, ибо любовная тематика имела многочисленных поклонников во все времена и среди всех слоев читателей. Именно поэтому эта поэма больше других произведений становилась объектом переписывания, о чем свидетельствуют рукописные списки месневи, хранящиеся в библиотеках мира.

4. Поэма «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани до сегодняшнего дня издана три раза – в Иране и Таджикистане – Камолом Айни, Саидом Ниёзи Кирмони, Бахромом Рахматовым, Окилбоем Окиловым и Шоирой Олимовой. Первое издание «Хумой и Хумоюна» Ходжу на основе четырех рукописных списков осуществил Камол Айни. Несмотря на внимательность, скрупулезность и чувство ответственности составителей, во все издания поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани прокрались разнообразные ошибки. Поэтому издание научно-критического текста «Хумой и Хумоюна» представляется одной из важнейших задач современной текстологии.

5. «Хумой и Хумоюн» – первая поэма из «Пятерицы» Ходжу Кирмани, и, хотя она написана в ответ на «Хусрава и Ширин» Низами, поэт выбрал для её создания размер эпических поэм – мутакориб мусамман махзуф (максур), что является новаторством Ходжу Кирмани, ибо до него никто не сочинял любовную поэму этим размером. Благодаря поэтическому гению Ходжу Кирмани не только произошел пересмотр формы любовно-романтических поэм, но и претерпели изменения их тематическо-художественные аспекты.

6. «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани отличается новизной и с точки зрения выбора темы и создания образов, так как она написана на основе сюжетов и содержания древнеиранских преданий, что значительно повышает художественно-историческую значимость и ценность произведения.

7. Хотя поэма «Хумой и Хумоюн» с точки зрения темы и образов является совершенно новым произведением в истории персидско-таджикской литературы, автор при её создании основывается на опыте и достижениях предшествующих поэтов-сочинителей, особенно Фирдоуси и Низами.

8. «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани написана очень интересным стилем, поэтому вызывает особый интерес использование многочисленных разновидностей джиноса (сроднения), сравнения, метафоры, гиперболы и других художественных средств изображения, свидетельствующих о высоком поэтическом мастерстве Ходжу Кирмани.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Исследованы основные проблемы текстологии и поэтики, в том числе рукописные списки поэмы «Хумой и Хумоюн», печатные издания поэмы, раскрыты причины и цель создания произведения, показаны источники поэмы, представлены её идейно-жанровые особенности, отмечено литературное влияние, описаны стилевые и поэтические особенности поэмы, что обеспечивают теоретическое значение работы.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что её материалы и выводы можно использовать при составлении учебников для высших школ, чтении спецкурсов по истории персидско-таджикской литературы, стилистике и теории литературы, при написании курсовых и дипломных работ.

Степень достоверности результатов исследования. Настоящая диссертация основана на достоверных научных и литературных источниках, опирается на эффективные методы и принципы исследования и написана системно и систематически. Все вопросы тщательно обсуждены и обоснованы. Выводы и достижения диссертации представлены в виде докладов, презентаций и научных статей на конференциях и семинарах различного уровня, что направлено на повышение достоверности результатов исследования.

Соответствие темы диссертации паспорту научной специальности. Тема «Проблемы текстологии и поэтики поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани» соответствует Паспорту научной специальности 10.01.00 – Литературоведение (10.01.08 – Теория литературы. Текстология, кодикология).

Личный вклад соискателя научной степени в области научных исследований. В период соискательства диссертант занимался исследованием проблем текстологии и поэтики поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани, опубликовал научные статьи по данной теме. Автор изложил свои соображения о причинах выбора поэтического псевдонима Ходжу, о рукописях и изданиях «Хумой и Хумоюна», об источниках рассматриваемого произведения и его поэтике. Поэтому все выводы являются результатом личного исследования автора, а опубликованные статьи характеризуют основное содержание диссертации и положений, выносимых на защиту.

Апробация результатов исследования. Основные положения и выводы исследования использованы на лекционных и практических занятиях и при чтении спецкурсов на факультете таджикской литературы Государственного образовательного учреждения «Худжандский государственный университет им. Бободжона Гафурова» и на курсах усовершенствования учителей в филиале Республиканского института повышения квалификации и переподготовки работников сферы образования Согдийской области. Основные положения диссертации изложены на научных семинарах кафедры, факультета, научно-

практических университетских конференциях (2014-2024 гг.) и на международных конференциях «Роль «Шахнаме» Фирдоуси в укреплении и расширении таджикского языка и литературы, науки и культуры» (г. Худжанд, 2024. – 14-15 мая), «Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив» (г. Белгород, 2024. – 30 сентября), «Созидательный импульс развития современной науки» (г. Петрозаводск, 2024. – 14 октября), анализ содержания рассказа «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани (Научные поиски (Материалы Республиканской научно-теоретической конференции в честь 80-летия профессора С. Саидова). – Душанбе: ДДОТ имени С. Айни, 2025), лингвистические и стилистические особенности рассказа «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани (Боки Рахимзода и литературная среда XX века / Материалы Республиканской научно-практической конференции на тему «Боки Рахимзода и литературная среда XX века». – Душанбе: ДДОТ имени С. Айни, 2025) выводы и достижения диссертанта положительно оценены научным сообществом.

Диссертация обсуждена и рекомендована к защите на заседании кафедры таджикской классической литературы ГОУ «Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова» от 24.10.2025, протокол №3.

Публикация научных работ по теме диссертации. Основное содержание диссертации представлено в 11 научных статьях, в том числе в 6 статьях, опубликованных в изданиях, рекомендованных ВАК при Президенте Республики Таджикистан.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, девяти разделов, пяти подразделов, выводов, списка литературы. Объем работы составляет 179 страницы компьютерного набора.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **введении** определена актуальность темы исследования, раскрыта степень ее изученности, показана связь исследования с научными программами и темами. Также установлены цель, задачи, объект, предмет исследования, охарактеризованы теоретические и методологические основы, указаны источники и доказана новизна исследования, его теоретическая и практическая значимость и степень достоверности работы, перечислены основные положения, выносимые на защиту, обосновано соответствие темы диссертации Паспорту научной специальности, указан личный вклад соискателя.

Первая глава названа «Ходжу Кирмани и коррективировка, и издание поэмы «Хумой и Хумоюн» и состоит из трех разделов и трёх подразделов. **Первый раздел** – «Коротко о жизни и творчестве Ходжу Кирмани» содержит краткое изложение жизненного пути поэта. В этом разделе устанавливается подлинное имя поэта, названы причины выбора поэтического псевдонима, почетных прозвищ и титулов поэта, характеризуется его поэтическое наследие.

О жизни и творчестве Ходжу Кирмани приведены сведения в многочисленных источниках, однако зачастую они противоречат одно другому. В процессе изучения жизни и творческой деятельности Ходжу были получены

некоторые новые факты о поэтическом псевдониме и почетных титулах поэта, которые изложены в первом разделе.

Во всех стихотворениях псевдоним поэта приводится в форме «Ходжу». В творчестве поэта не указана причина выбора такого псевдонима. Насколько нам известно, в истории таджикско-персидской литературе, неизвестен другой литератор с таким псевдонимом кроме Ходжу Кирмани. Большинство авторов тезкире и их исследователей, в том числе Давлатшох Самарканди, Авхади Балёни, Фахруззамон Казвини, Бостони Поризи, Забехулло Сафо, Ян Рипка, Таки Биниш и другие, обоснованно считают причиной выбора псевдонима «Ходжу» принадлежность поэта к благородному сословию ходжагон. Опираясь на научные источники, в частности на «Фарханги Кирмон» («Словарь кирманского говора») Манучехра Сутуда, диссертант выдвигает предположение, что поэтический псевдоним поэта может быть связан с говором населения Кирмана. Одной из основных особенностей кирманского говора является прибавление к концу имен буквы «вав» (звук [y] – М.М.) [31, с. 5]. По мнению Сутуда, буква «вав» в конце имен является признаком уменьшения, выражением качества, стяжения или сокращения, отношения, расположенности [31, с. 5-6].

Фахруззамон Казвини предполагает, что родители поэта в детстве обращались к нему «Ходжу». Поэтому с большой долей вероятности можно сказать, что обращение родителей к ребенку с использованием словом «Ходжу» связано с особенностями кирманского говора и использовалось для выражения уменьшительно-ласкательного отношения главы семьи к малолетнему отпрыску. Видимо, ласковое обращение из-за детского возраста очень импонировало кирманскому литератору, так что он использовал его в качестве поэтического псевдонима. Слово «Ходжу» можно считать диалектной формой слова «Ходжа».

Также в этом разделе рассматривается проблема почетных прозвищ Ходжу - «Нахлбанди шуаро» («Делающий искусственные цветы среди поэтов») и «Халлокулмаони» («Творец тем или смыслов»), его подлинного имени и некоторые другие частные моменты из жизни поэта и подготавливается почва для выяснения некоторых эпизодов из жизни литератора.

Одно из прозвищ Ходжу, упомянутое во многих источниках, было «Нахлбанди Шуаро» или «Нахлбанди Маони». По поводу значения этого прозвища и по каким причинам Ходжу его получил, в источниках высказаны различные мнения.

Существительное «Нахлбанд» на самом деле является сложным, и состоит из двух слов: «нахл» (пальма) и «банд» (плетущий). Нахлбанд - это человек, который делает искусственные деревья (пальмы), цветы или фрукты из воска, бумаги и ткани. Таким образом, нахлбанд - это мастер, творящий красоту. Отсюда прозвище Ходжу «Нахлбанди Шуаро» (Мастер красноречия) также связано с его прекрасным талантом художественного творения в поэзии. Способность Ходжу использовать художественные приемы в поэзии была такова, что оратор использовал их не для демонстрации своего ораторского мастерства, а лишь только для выражения тонкого свежего смысла.

По мнению Абдуррахмана Джами, этого прозвища он был удостоен из-за его влечения к «украшению слов и восхвалению фраз» [41, с. 465]. Амин Ахмад Рази [27, т. 1, с. 293] считал постоянные попытки Хаджу в использовании необычных слов достойной причиной для этого прозвища. Согласно докладу Фахруззамони Казвини [21, с. 75] и некоторым источникам, ещё современники прозвали Хаджу за его художественные достижения в мире поэзии «нахлбанди шуаро» (мастер красноречия). Хаджу Кирмани, в заключительном разделе «Хумой и Хумаюн» по-видимому, намекая на это прозвище, сказал:

Найи хомаам нахлбандй намуд,
Ба нахли сухан сарбаландй намуд [14, с. 570].
Он украсил древко моего пера,
На древа слова вознёс меня. [14, с. 570].

Давлатшах Самарканди утверждает, что «просвященные и достойные люди считают его речь уникальной по красноречию и зрелости, и называют его «нахлбанди шуаро» («мастером красноречия») [29, с. 238]. По словам Давлатшаха Самарканди, Музаффар Хирави поэт живущий в одну эпоху с Ходжу Кирмани, называл «нахлбанд шуаро» (мастера красноречия) «наққошаки Кирмон» («художничек Кирмана») [29, с. 251] и, возможно, на этом основании Бостони Поризи [26, с. 118] предполагает, что Ходжу создавал ковровые узоры.

По словам Давлатшаха Самарканди, Музаффар Хирави всегда спорил с поэтами, ставил под сомнение их красноречие и искусство, и проявлял преимущества своей поэзии [29, с. 251]. На наш взгляд, название Музаффаром Хирави Ходжу «художничек Кирмана» имеет определенный тон сарказма и насмешки, потому что он в продолжая свою мысль, говорит, что «от него исходит аромат красноречия». Такая манера речи Музаффара и то, что он называет Ходжу «художничком Кирмана», указывают на то, что ремесло живописца не была основной профессией мастера слова.

По-видимому, причиной, по которой Музаффар Хирави Ходжу «художничком», является его зависть и ревность.

Более того, Ходжу ни в одном из своих произведений ничего не говорил о том, что обладал навыком создании арнамента для ковров. Доступные нам источники также не содержат информации по этому поводу. В этой связи то, что Ходжу имел навыки ковровой живописи кажется несколько далёкой от реальности.

Однако Абул-Хусайн Зарринкуб пишет, что современники называли Ходжу Кирмони «нахлбанди шуаро» («мастер красноречия»), потому что он любой стих создавал как образцы работы мастеров, но его восковая пальма не обладала вкусом наслаждения настоящим фиником [11, с. 123]. По-видимому, это мнение А. Зарринкуба намёк на тягу Ходжу к художественным приёмам, ведь поэт действительно очень искусен в создании украшенных художественными приёмами стихов.

Стоит отметить, что в истории персидской и таджикской литературы только Ходжу удостоился прозвища «Нахлбанди Шуаро». В «Лугатноме»

Деххудо также в толковании этой фразы приведено, что это является прозвищем Ходжу Кирмани [44].

По поводу настоящего имени поэта информация в источниках разная. Например, Амин Ахмад Рази в книге «Хафт Иклим» [27, с. 292] называет его Махмудом, Мулло Абдуннаби Казвини в книге «Майхана» [21, с. 75] называет его Афзалуддином, Хаджи Халифа в «Кашф-уз-зунун» Мухаммадом, Я. Рипка в своей книге «История иранской литературы» [28, с. 364] называет его Камалуддином [или Афзалуддином]. Однако Устод Забиуллах Сафа, анализируя все эти противоречивые сведения, подчёркивает, что Ходжу Кирмани относится к числу тех мастеров слова, которые ясно упоминают своё имя в собственных стихах [30, с. 888]. По словам самого Ходжу, настоящее имя поэта, которое он упоминал в своих стихах, является Махмуд [14, с. 848], и в этом отношении нет места никаким спорам и сомнениям.

Действительно, Ходжу Кирмани описал в своих стихах некоторые подробности своей жизни, которые служат надёжным первоисточником для прояснения истины о жизни поэта и некоторых спорных вопросов.

Год смерти Ходжу Кирмани в источниках приводится с большими противоречиями. Из всех источников, по словам Забиулло Сафо, наиболее достоверными можно считать сочинение Фасех Ахмада ибн Джалалуддина Махмуда, которое является наиболее близким источником к годам жизни поэта. Джалалуддин Махмуд указывает 750 год по хиджре/1349 год н.э. как дату смерти Хаджу в Ширазе. Место упокоения Хаджу находится в Ширазе, и сегодня это место паломничества ученых, литераторов и просвящённых людей.

Ходжу Кирмани стоит в одном ряду с величайшими персидскими и таджикскими поэтами, такими как Низами и Амир Хусрав, который оставил после себя богатое наследие в различных видах литературного жанра. Действительно, произведения Ходжу достойны внимания и изучения во всех отношениях. Как видно из маснави «Раузат-уль-Анвар», Ходжу с юной поры питал склонность к поэзии. Об этом указано в «Раузат-уль-Анвар» в рассказе «Ангел, который приснился в детстве». Толкователь снов, к которому обратился Ходжу, предсказал ему славу в поэзии:

Мулки сухан они ту хоҳад шудан,
Ақл санохони ту хоҳад шудан.
Тири ҳадиси ту ба Ҷавзо расад,
Номи баландат ба Сурайё расад [14, с. 82].
Царство речи достанется тебе,
Разум будет слать хвалу тебе.
Слово твоё вознесётся до созвездия Близнецов,
Доброе имя твоё достигнет созвездия Персея [14, с. 82].

Общее количество стихов Ходжу по словам Устада Забиулло Сафо составляет сорок четыре тысячи бейтов (88 тысяч строк) [30, с. 896]. Он один из поэтов, который ещё при жизни приступил к сбору своих произведений. К этой инициативе его подтолкнуло поручение Таджиддина Ахмада ибн Мухаммада ибн Али. По распоряжению этого просвященного везиря, Ходжу и группа его друзей и почитателей начали собирать его стихи, а один из

писателей того времени написал к ним предисловие, о котором отмечает составитель сборника сочинений Ходжу – Ахмад Сухайл Хансари [17, с. 92].

В результате рассмотрения и изучения произведений Ходжу Кирмани стало ясно, что от этого известного поэта XIV века до нашего времени дошло и сохранилось ценное наследие, достойное изучения и исследования во всех отношениях.

Во втором разделе главы – «Кодикология «Хумой и Хумоюн»» представлено описание и комментирование рукописных списков поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу, хранящихся в разных библиотеках мира. По сведениям библиотечных каталогов рукописей сделан вывод, что оригинал или автограф поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани не сохранился до наших дней. Как сообщает А. Родфар, в библиотеках мира хранятся 20 рукописей и 4 литографические издания «Хумой и Хумоюна».

Изыскания показывают, что, хотя исследование А. Родфара имеет обзорный характер, в целом оно помогает в выявлении фундаментальных научных источников о Ходжу и его творчестве. О некоторых рукописных списках «Хумой и Хумоюна» сообщают Сухайли Хонсори в предисловии к дивану поэта, Камол Айни – в предисловии к поэме «Хумой и Хумоюн», Ниез Кирмони – в предисловии к «Пятерице» Ходжу, хотя они и не приводят описания рукописей. Кроме списков, представленных А. Родфаром, К. Айни, С. Хонсори, С.Н. Кирмони на основе каталогов и сайтов знаменитых библиотек мира, в том числе библиотек Коньи, Стамбула, Тегерана, Лондона, Мюнхена, Ташкента, Калькутты, диссертант представляет еще 24 списка «Хумой и Хумоюна», большинство из которых впервые вводится в научный оборот.

Следует отметить, что возможно в частных или провинциальных библиотеках могут находиться и другие копии сочинения Ходжу «Хумой и Хумоюн», которые не вошли в общие каталоги. Так, в ходе исследования этой темы мы обнаружили рукописный экземпляр, датированный 25 раби аль-ахир 830 г. хиджры/3 марта 1427 г., который был написан в Ширазе, а оригинал хранится в Мюнхене, в Баварской государственной библиотеке (Bayerische Staatsbibliothek) [12]. Переписал копию, как видно из подписи в конце книги, Али ибн Юсуф аль-Махдис. Размер книги 15 х 9 см, обложка кожанная коричневого цвета в центре имеет теснённый узор, украшенный цветами, края обложки покрыты относительно светло-коричневой краской. На первой и последней страницах экземпляра карандашом написано «Cod per.459», что, по-видимому, является номером экземпляра персидских рукописей хранящихся в Мюнхене. В тексте наблюдаются таблицы и столбцы выполненные золотым, бирюзовым и красным цветом. Заголовок украшен золотым растительным орнаментом на сиреневом фоне, обрамлена фиолетовой и красной линиями. Названия глав и разделов книги обведены красным цветом. Текст представлен в двух колонках, состоящих из 12 строк. Экземпляр полный, содержит 125 страниц. Текстологический анализ показывает, что номера страниц были написаны карандашом сотрудниками библиотеки в наше время. На полях можно увидеть некоторые исправления (в основном чёрным) и в тексте (красным). На некоторых страницах (например, 48 а) есть следы влаги, но текст

на страницах, хотя и с трудом, читается. В рукописи есть четыре миниатюры, относящихся к содержанию текста поэмы, которые находятся на страницах 62б, 86б, 110а и 115а. Большое количество рукописных и литографированных копий книги «Хумой и Хумоюн» и других стихов, свидетельствует об огромной популярности произведений Ходжу Кирмани как среди знати, так и среди простого народа. Некоторые рукописные копии этой поэмы находились в королевских библиотеках и читались на собраниях жителей. Причина огромной популярности поэмы, на наш взгляд, связана с её содержанием и смыслом, поскольку тема любви и романтики была широко распространена во все эпохи и среди всех слоёв общества. Именно поэтому поэма многократно переписывалась, о чём свидетельствуют рукописные копии этого произведения, хранящиеся в библиотеках по всему миру.

В целом, рукописи «Хумой и Хумоюн», которые были кратко представлены, являются одними из самых известных рукописей произведений Ходжу Кирмани, некоторые из которых до сих пор используются при публикации дивана (сборника сочинений) Ходжу и его поэмы «Хумой и Хумоюн». Однако среди них есть и не вошедшие в научный оборот списки. Эти рукописи могут быть полезны для исправления и доработки произведений Ходжу Кирмани, особенно его «Хумой и Хумоюн».

В целом рукописи поэмы «Хумой и Хумоюн», кратко описанные в работе, являются наиболее известными списками произведения Ходжу Кирмани, а некоторые из них были использованы при издании дивана Ходжу и поэмы «Хумой и Хумоюн». Однако среди них, как было отмечено выше, есть списки, не вовлеченные в научный оборот. Эти рукописные списки могут оказать большую помощь в корректировке и издании произведений Ходжу Кирмани, особенно поэмы «Хумой и Хумоюн».

Третий раздел первой главы – «Корректировка и издание поэмы «Хумой и Хумоюн»» состоит из трех разделов, в которых излагаются соображения диссертанта о текстологических особенностях, корректировке и подготовке к изданию трех опубликованных списков поэмы. Отмечается, что до сегодняшнего дня поэма «Хумой и Хумоюн» была издана трижды: дважды на арабской графике Камолом Айни и Саидом Ниёзом Кирмони, и впервые в 2017 году – на кириллице. Диссертант отмечает положительные моменты и недостатки изданий поэмы на арабской графике. По мнению диссертанта, несмотря на все старания составителей, в таджикистанское издание поэмы «Хумой и Хумоюн» в составе «Пятерицы» Ходжу прокрались многочисленные текстологические ошибки и упущения. Автор классифицирует текстологические недостатки издания поэмы на кириллице и обосновывает и аргументирует свои соображения многочисленными примерами.

В том числе:

1. **Несоблюдение правила добавления (или дополнительного суффикса)**, что является одной из наиболее распространенных ошибок при переводе текста с персидского алфавита на кириллицу.

а) *Ненужное добавление или удаление дополнительного суффикса.* В персидском письме, если определяемое слово оканчивается на согласную,

дополнительный суффикс (-и) не пишется. Поэтому в следующих стихах все подчёркнутые слова следует читать с добавлением:

Бад-он икди парвин хуршедджой,

Бад-он шами шабгун хуршедсой [14, с. 467].

б) *Неправильное размещение дополнения.* В следующих стихах подчёркнутые слова следует читать без добавления.

Зада бар нухум касри кухле алам.

Уторид зи бимам шикаста қалам [14, с. 353].

В первой строке этого стиха словосочетание «кухле алам» следует читать как «кухли алам», что означает «чёрный флаг», и слово касри, должно читаться без добавления буквы и [каср].

2. В некоторых случаях составители текста допустили ошибку в прочтении знаков, то есть кратких гласных, которые в персидском алфавите не имеют буквенного обозначения:

Ханузаш ба гулбарг райхон наруст,

Ханузаш хазар оби Хайвон наджуст [14, с. 422].

Во второй строке вместо «хазар» следует читать «Хизир». Кстати, «оби Хайвон» пишется с маленькой буквы «х».

3. Большинство ошибок и оплошностей, встречающихся в переводе текста на кириллицу, допущены по причине **неправильного прочтения слов, не обращения внимания на баланс и логику слов. Например:**

Ки май донад аз файласуфони хай,

Ки Чамшед кай буду Ковус кай? [14, с. 350]

Кто может знать о вине среди философов,

Кто был Джамшед и когда был Кавус? [14, с. 350]

Похоже, в первой строке вместо «май донад» следует читать «медонад». Во второй строке если вместо ««Ковус кай» » прочтём Ковуси Кай, семантическая связь усиливается: ки медонад, ки Чамшед ва Ковуси Кай кай буданд? (кто знает, когда были Джамшед и Кай Ковус?)

4. По неизвестным причинам составители кириллического издания во многих случаях заменили слова стихов другими словами или изменили местоимения в подлежащих, что исказило содержание стихотворения. Составители в предисловии к книге говоря о проведённой работе подчеркнули, что их задача в основном заключалась в переписывании отредактированного Саидом Ниязом Кирмани текста, и лишь в необходимых случаях они использовали рукописный экземпляр «Хамса» из библиотеки Ганджбахш в Пакистане [14, с. 19-20]. В повести «Хумой и Хумоюн» лишь в одном случае был восстановлен стих из этой рукописи [14, с. 380]. В приведённых ниже стихах, которые отличаются от текста издания Кирмани, в кириллическом издании не было указания на причину изменений.

а) замена одного слова другим:

Ту дар дард агар мурдай, зиндай,

Чу дар банди хешӣ, аз он бандай [14, с. 390; 15, с. 309].

Ты в страдании если погибь, ты жив,

Так как ты в собственном плену, ты раб [14, с. 390; 15, с. 309].

В версии Кирмани в первой строке вместо «дард» используется «банд», и логика стиха, связь этого стиха с предыдущими и последующими стихами, требует этого слова. В версии Камала Айни также используется «банд» [15, с. 55].

б] изменение формы глаголов:

Бигуйй хадисе чу ройи ту рост,

Калиди дари ганчи маънй турост [14, с. 356; 15, с. 281].

Расскажи мне хадис, поскольку твоё мнение верно,

Ключ к двери сокровищницы смысла – у тебя [14, с. 356; 15, с. 281].

В редакциях Кирмани и Камола Айни [15, с. 170] в начале стиха стоит «бигӯям» (расскажу»), и это правильно, поскольку означает «расскажешь мне хадис».

Ту гуфтй зи бас шуккахои дурафш,

Бипушид гардун ҳарири бунафш [14, с. 441; 16, с. 354].

Ты сказал о множестве ярких ветвей,

Накинет вселенная на себя пурпурный шарф [14, с. 441; 16, с. 354].

Существует множество разночтений в написании имён, особенно названий небесных тел, которые, согласно правилу, следует писать с заглавной буквы, особенно если они являются омонимами, например: Тир-тир, Махи-махи, Джади [коза]-коза, Гови гардун-гов, Харчанг-харчанг.

Мы считаем, что, несмотря на частую публикацию «Хумой ва Хумоюн», в текстологии всё ещё есть место для научно-критической публикации этого рассказа. Опираясь на доработанные издания и неизученные до настоящего времени рукописи, можно сделать более весомый шаг к публикации правильного текста этого рассказа и, в целом, «Пятерицы» («Хамса») Ходжу Кирмани.

Вторая глава диссертации, названная «Структура и идейное содержание «Хумой и Хумоюна»», состоит из четырех разделов. В первом разделе рассмотрена проблема **«Источников поэмы»**. В этом разделе предпринята попытка, с опорой на научные и литературные источники и непосредственные указания и ссылки Ходжу в «Хумой и Хумоюне», определить истинный источник поэмы. Диссертант аргументированно опровергает мнения ученых, которые утверждают, что содержание поэмы основывается на древнетюркских народных поэмах (дастанах). Убедительно доказывается, что имя Хумой и ее образ присутствуют в иранской литературе и культуре с древнейших времен. Имя Хумой встречается еще в доисламских иранских текстах.

По сведениям «Фарханги асотир ва достонворахо», в «Яштах» Авесты упоминается имя дочери Гуштаспа – Хумая, а в поэме «Ёдгори Зарирон» она один раз названа именем Хумок [10, с. 834-835].

Личности под именем Хумой упоминаются в поэмах литераторов-предшественников Ходжу, особенно в произведениях Фирдоуси и Низами. Например:

1. Хумай – имя иранской принцессы, дочери Гуштоспа, чьё имя приводится в рассказе «Царство Гуштоспа» из поэмы «Шахнаме» Абулкасима

Фирдоуси. Согласно сюжету из «Шахнаме», когда Бедирафш убивает брата Гуштоспа, Зарира, Гуштосп-шах объявляет, что любой из храбрецов и воинов, которые выступят, чтобы отомстить за Зарира, получит в жены его дочь Хумай:

Ки ҳар к-аз миёна ниҳад пеш пой,
Мар ўро диҳам духтарамро Ҳумой [38, ч. 6, с. 130].
Кто на поле брани ступит ногой
Ему в жёны отдам свою дочь Хумой» [38, т. 6, с. 130].

2. Хумай в «Шахнаме» — имя одной из сестёр Исфандияра, описанной в рассказе «Ҳафт хони Исфандиёр» «Семь скатертей Исфандияра». Согласно этой истории, Арджасп Турани захватил её в плен и держал в замке Руиндиж, а Исфандияр освободил её из плена:

Чу овоз бишнид фаррух Ҳумой
Бидонисту омад дилаш боз ҷой [38, ч. 6, с. 254].
Услышав голос счастливая Хумой,
Узнала его и сердце её познала покой [38, т. 6, с. 254].

3. Хумой – имя дочери Бахмана, сына Исфандияра, описание которой дано в рассказах «Царство Бахмана Исфандияра» и «Царство Хумой» «Шахнаме». Согласно повествованию Фирдоуси, Хумой согласно зороастрийским законам, стала женой своего отца и у неё родился сын Дороб. Хумой правила Ираном тридцать лет, затем сделал своего сына Дороба своим наследным принцем. Другое имя – Чехрзад, построивший город Чехрзадган:

Яке духтараш буд номаш Ҳумой,
Ҳунарманду бо донишу покроя.
Ҳама хондандӣ варо Чехрзод,
Зи гетӣ ба дидори ӯ буд шод [38, ч. 6, с. 468].
У него была дочь по имени Хумой,
была мастерицей, учёной и правдивой.
Все звали её Чехрзод,
Весь мир был счастлив встречи с ней [38, т. 6, с. 468].

4. Хумай в рассказе «Царство Бахрама Гура» из «Шахнаме» – это храм сасанидского Бахрама Гура:

Яке муъбаде буд номаш Ҳумой,
Хирадманду бодонишу покроя [39, ч. 7, с. 549].
Был храм, названный Хумой,
Мудрый, учёный и правдивый [39, т. 7, с. 549].

5. Хумай в рассказе «Семь статуй» Низами Гянджеви – является упрямой дочерью римского цезаря, образ которой Бахроми Гур впервые увидел во дворце Хаварнак:

Духтари қайсари Ҳумоюнрой,
Ҳам хумоюну ҳам ба ном – Ҳумой [9, ч. 3, с. 87].
Упрямая дочь цезаря Хумоюн,
Счастливая и по имени – Хумой [9, т. 3, с. 87].

Как видно, имя Хумой в культуре именования прошлого принадлежало как мужчинам, так и женщинам. Следует отметить, что имя Хумоюн также использовалось для обозначения обоих полов.

Однако, ни один из персонажей, упомянутых в произведениях Фирдоуси и Низами, не является героем поэмы «Хумой и Хумоюн», поскольку большинство из них являются историческими или полуисторическими фигурами, в то время как Хумой – главный герой произведения Ходжу – является сказочным персонажем. Кроме того, в части повести «Хумой и Хумоюн» говорится о саде фей, феях, упырях и демонах, о пленении ими героев произведения, о борьбе и сражении главного героя с этими сказочными существами ради достижения своей цели и, наконец, об их гибели или поражении, что является сюжетом большинства народных сказок. Эти моменты подтверждают идею о том, что произведение о Ходжу имеет происхождение из легенд и сказок и основано на одной из древних иранских легенд. Из научного заключения этого раздела становится ясно, что первооснова этой истории – легенда или устное предание.

Во втором разделе данной главы анализируется «Структура произведения». Автор приводит краткие сведения о годе написания поэмы, количестве бейтов, размере и о том, кому было посвящено произведение, а затем приступает к анализу структуры поэмы. Подчеркивается, что в поэме «Хумой и Хумоюн» Ходжу старается соблюдать традиции сочинения месневи. До прямого изложения событий поэмы он приводит десять вступительных разделов. Начинается месневи восхвалением и прославлением Всевышнего и пророка. Далее следует славословие мамдухам, сетования на эпоху, «Соки-нома» («Книга о кравчем»). Затем идёт раздел о причине написания книги.

Анализируемая поэма – традиционное любовное произведение, наполненное различными событиями и приключениями. Традиционность поэмы проявляется в том, что в ней соблюдается взаимосвязь частей и эпизодов целостной истории, то есть произведение состоит из цикла взаимосвязанных событий. Поэтому сюжет поэмы в плане структуры и состава можно назвать сложным, ибо «сложным считается сюжет, охватывающий несколько событий, даже цикл событий» [24, с. 203]. Анализ поэмы показывает, что её в сюжете соблюдены все основные элементы художественного произведения, установленные теоретиками литературы: экспозиция, завязка, развитие, кульминация, развязка.

Анализ «Хумой и Хумоюна» показывает, что Ходжу Кирмани прилагает усилия как в аспекте формы и плана центральной темы, так и в описании различных эпизодов поэмы и что в изложении деталей по мере возможности стремится приблизиться к поэме Низами Ганджеви. Однако анализ показывает, что в структуре месневи «Хумой и Хумоюн» имеются отличия от поэмы Низами. Так, после прославления Всевышнего и пророка и восхваления мамдухов (восхваляемых), Ходжу под названием «В порицание эпохи и требования вина от кравчего» приводит «Соки-нома» в объеме 90 бейтов. В любовных месневи предшествующих литераторов, например, «Лейли и Меджнун», «Хусрав и Ширин» Низами такая традиция не встречается. Другим

структурным отличием поэмы Ходжу является присоединение одиннадцатистихийной газели к вступительной части месневи «Хумой и Хумоюн», что также не встречается в любовных поэмах до времени поэта. Газель, приведенная во вступительной части поэмы, не зафиксирована в диване стихотворений Ходжу Кирмани. Данный факт позволяет утверждать, что газель является составной частью поэмы и была сочинена в процессе составления поэмы её размером.

В третьем разделе главы «Исследовано содержание поэмы». Месневи «Хумой и Хумоюн» относится к пиршественно-любовным поэмам, и её центральной темой является история любви Хумоюна, сына царя Шама (Сирии), и Хумой – дочери китайского кагана, и описание их любовных приключений.

Краткое содержание истории таково:

Правитель Сирии, которого звали Манушанг Киртос, годами лелеял мечту о ребёнке. Наконец, Божья благодать снизошла на него, и у него родился сын.

В честь силы Кубада и лика Манучехра царь назвал его Хумой и поручил его кормилице. Когда Хумай вырос, он добился успехов во всех науках.

Однажды ночью Хумай пришёл во дворец царя и сказал: «Отец, мне скучно, больше не влекут меня сады и цветники, разреши мне отправиться на охоту». Владыка, трудно переносил разлуку с сыном, но просьбу сына не отклонил и позволил ему поохотиться один день.

Царь посадил Хумой на прекрасного, грациозного коня по имени Гураб и отправил на охоту. Горы и поля были полны цветов и тюльпанов, а воздух наполнен ароматом. Внезапно принц увидел вдали тёмную тучу и поспешил к ней. Она увидела дикого осла, убегающего со скоростью ветра. Принц забросил аркан на дикого осла, но осел вырвался из его петли, он вскочил на своего быстрого коня и бросился в погоню за ослом. Солнце село, а благородный всадник скакал на лошади до самого рассвета:

С восходом солнца он добрался до прекрасного и цветущего поля. Этот оазис был пристанищем феи. В нём появился райский дворец. Фея выйдя на встречу с Хумой пригласила его во дворец.

Хумай был ошеломлён увиденным. Он опьянев от вина любви свалился, и до его слуха доходили слова Соруша: «О ты, лишившийся религии и сердца, откажись от сердца, чтобы добиться возлюбленной. Собирайся в путь, чтобы достичь её».

Чунон аз майи ишқ сармаст шуд,

Ки аз по дарафтоду аз даст шуд... [14, с. 366].

Так вином любви был он опьянён,

Что с ног свалился и стал ручным... [14, с. 366].

Когда принц поднял голову, он не увидел ни цветника, ни дворца, однако горел в огне любви. Когда взошло солнце, воины нашли принца в мучительном состоянии и спросили о его смятении. Она рассказала всё, что произошло. Они сказали: «Принц! Зачем ты мучаешься и тешишь своё воображение?» Хумой вскипев ответил: «Вы не знаете о моей боли, моё сердце влюбилось в эту фееподобную».

На следующее утро Хумой узнал, что король решил поохотиться, поэтому он не стал медлить и направился к королевскому двору. В пути он увидел коня Хумоюна, его сердце дрогнуло, вельможи закричали ему, чтобы он двигался. Он вынуждено погнал коня. Спросив, он узнал, что у дочери Фахфура есть сад в этих краях, где она собирается провести неделю. Когда они добрались до охотничьих угодий, принц Хумай, охваченный волнением, вернулся, жалуясь на боль в животе, и бросился к саду Хумоюна. Увидев пьяного стражника с палкой в руке, он так сжал ему горло, что тот умер, а поспешил к шатрам. Хумоюн, увидев Хумой, поднялся на крышу дворца. Паризад вывела Хумоюна на веранду, и они вдвоем наслаждались вином до рассвета.

Маху Муштарй гүйё бар сипехр,

Қирон карда буданд дар бурчи Мехр... [14, с. 449].

Луна и Юпитер будто на щите

Соединились в башне Мехр... [14, с. 449].

Как только расвелось Хумоюн покинул опочевальню. Внезапно старый земледелец бросился к царю и сказал: «Скажи мне, где ты был, зачем пришёл в этот дворец?»

Принц взревел, как пьяный слон, и оторвал голову крестьянину. Один из местных жителей рассказал эту историю Фахфуру. Царь тут же приказал заковать Хумай в тяжёлые цепи.

Малик Хумой был закован в цепи, плакал от боли, причиняемой ему цепями, как вдруг в темницу вошла ослепительная луна. Он воздал хвалу царю и освободил его ноги и руки от цепей. Девушка представилась Суманрух, дочерью Сухайля, и сказала: «Моё сердце как лань попало в твою ловушку. Я не так прекрасна как Хумоюн, но всё же проводи со мной три дня». После трёх дней наслаждений Суманрух преподнесла ему оружия и скакуна, попрощалась с ним.

Хумой поспешил во дворец Хумоюна. Хумоюн сказал: «Вернись, я отвернулся от тебя, ты опозорил моё имя. Отправляйся к своей возлюбленной Суманрух, потому что в одном сердце нет места двум возлюбленным.

После долгой беседы, измученный и побежденный, Хумоюн вернулся в степь. Он проливал кровавые слезы и горько вздохнул. Когда Хумоюн расстался со своей спутницей, ему стало стыдно за свое поведение и слова.

Маликзода со своей прекрасной спутницей, в страхе поспешили в старый монастырь, расположенный в этой степи. Из монастыря они увидели Бехзада и обрадовались. Хумой приказал написать письмо, царю Китая, чтобы посватать Хумоюн. Китайский правитель, увидев письмо расстроился, но не подал вида и пригласил принца в свой дворец. Принц Хумой, несмотря на возражения Бехзада, прибыл во дворец и отправил Хумоюн в царский сад. Хумай всю ночь стоная бродил вокруг дворца Хумоюн, но не нашел её.

Паризад узнал правду о случившемся и тайно отправился во дворец визиря, чтобы встретиться с Хумоюн у колодца. В этот момент Фаринуш, сын визиря, влюбился в Паризад и забеспокоился. Он сказал себе: «Мою боль может исцелить Хумоюн, если я помогу ему найти след любимой, он также исцелит моё сердце». Затем он отправился к Бехзаду и открыл ему тайну

Хумоюна, и они вместе начали искать принца. Они обошли каждую гору и искали во всех направлениях, но Хумоюна нигде не было видно, пока они не наткнулись на караван. Проводник сказал: «У подножия горы кто-то стонет от боли и не может спать даже ночью». Они оба поспешили туда и обнаружили принца, похожего на загнанного дикого зверя, успокоили и утешили его хитростью и обаянием. Фаринуш сказал: «Не печалься, по тому что твоя возлюбленная томится в холодном зиндане, если ты пообещаешь помочь мне соединиться с Паризад, я скажу тебе, где твоя любимая». Принц Хумой ответил: «Если ты поможешь мне достичь мечты, клянусь, я приведу Паризад в твою башню, даже если он пэри». Вместе они отправились в убежище Хумоюна, вытащили луну из колодца и бежали. Утром жители китайского двора узнали об этом, собрали армию и приготовились к битве. Сирийская конница под предводительством принца Хумоя и Бехзода сражалась с китайцами, пока китайский правитель не был сражён в бою, и Хумай не взойшёл на его трон. Хумоюн, оплакав смерть отца, вышла замуж за принца Хумой. Затем Хумой выдал Паризад замуж Фаринушу и посадила его на китайский трон. Сам же в окружении верных друзей вернулся в Сирию и сел на трон вместо отца, и Бог даровал ему сына по имени Джахангир:

Суханро наёяд ниҳоят падид,

Варақ даршикастам чу ин чо расид [14, с. 575].

Слова не видно конца,

Первернув лист добрался сюда [14, с. 575].

Так, после трудностей, скитаний, страданий и лишений, Хумой и Хумоюн достигли своей цели. Здесь сюжетная линия обрывается. На этом история любви «Хумой и Хумоюн» заканчивается.

В четвертом разделе второй главы – «Тематические и структурные связи поэмы Ходжу с другими поэмами» подчеркивается, что на «Хумой и Хумоюна» Ходжу Кирмани оказали большое влияние «Шах-наме» Фирдоуси и «Хусрав и Ширин» Низами. Восприимчивость Ходжу к историко-литературной личности и поэме Фирдоуси проявляется в следующих моментах:

1. «Хумой и Хумоюн» составлена в размере мутакориб мусамман махфуз, или максур, которым написал свое произведение Фирдоуси.

2. В поэме Ходжу Хумой вынуждена сражаться с Фагфуром Чина, чтобы добиться соединения с Хумоюном. Некоторые бейты Ходжу в этом эпизоде напоминают бейты Фирдоуси.

Ходжу:

Зи гардон сиях гашт чашми сипехр,

Зи сахми далерон биларзид мехр [14, с. 528].

Зи бас сар ки шахзода аз тан биканд.

Замин гуфт: «То кай?» Замон гуфт: «Чанд?» [14, с. 531].

От пыли зачернели очи небосвода,

От стрел храбрецов задрожало Солнце [14, с. 528].

Столько голов отрубил царевич,

Что земля сказала: «До каких пор?», эпоха сказала: «Сколько?» [9, с. 531].

Фирдоуси:

Сиях шуд зи гарди сипах офтоб,
Зи пайкони алмосу парри уқоб.
Қазо гуфт гиру қадар гуфт дех,
Фалак гуфт: аҳсанту маҳ гуфт: зеҳ! [37, с. 274].

*От пыли войск зачернело Солнце,
От алмазных наконечников и орлиных перьев.
Рок сказал: «Возьми», судьба сказала: «Отдай»,
Небосвод сказал: «Браво!», месяц сказал: «Молодец!»* [37, с. 274].

3. В «Хумой и Хумоюн», как и у Фирдоуси в «Шах-наме», Ходжу Кирмани в ходе описания событий приводит многочисленные нравоучения и увещевает читателя.

Из «Шах-наме»:
Чунин аст кирдори гардуни пир:
Гаҳе чун камон асту гоҳе чу тир [36, с. 8].
*Таково поведение старца-небосвода:
Он иногда как лук, а иногда как стрела* [36, с. 8].

Из «Хумой и Хумоюн»:
Чунин аст оини гардонсипеҳр,
Ки гоҳаш бувад кинаву гоҳ меҳр.
Қароре нагирад ҷаҳон бар касе,
Ки бодаш ҷаҳонро ҷаҳонҷӯ басе.
Гаҳе суру гоҳе дар ӯ мотам аст,
Муқим аз паси шодмонӣ ғам аст [14, с. 564].
Такова традиция вращающегося небосвода:
Иногда проявляет злобу, иногда – привязанность.
Не достанется (полностью) мир кому-либо,
Ибо у него очень много покупателей.
Иногда в нем радость, а иногда – траур,
После радости ожидает тебя горе [14, с. 564].

4. Ходжу в месневи «Хумой и Хумоюн» следует за Фирдоуси для описания сцен сражений, приключений, битв героев, вообще для передачи эпического духа. В описании таких эпизодов чувствуется, что Ходжу находится под сильным влиянием эпического ритма Фирдоуси.

5. Как и Фирдоуси, Ходжу иногда заводит речь о диве и деяниях этого ужасного создания и тем самым придает поэме дух сказки и предания. В «Хумой и Хумоюне», как и в «Шах-наме» Фирдоуси, герой поэмы, чтобы доказать свою смелость и бесстрашие, должен идти на сражение с дивом, победить его и тем самым достичь поставленной цели. Так, мы встречаем в поэме Ходжу «черного дива-людоеда по имени Самандар» и «дива Занда-волшебника», с которыми сражается Хумой.

Кроме того, в «Хумой и Хумоюне» можно заметить многочисленные случаи использования материала из «Шах-наме». В процессе исследования произведения явственно чувствуется, что имена героев поэмы Фирдоуси становятся частью художественного изображения и манеры выражения автора «Хумой и Хумоюна».

Другое явление, также отчетливо свидетельствующее о влиянии «Шах-наме» Фирдоуси на поэму Ходжу, является описание ночи и дня или восхода Солнца. В «Шах-наме» часто встречается произнесение клятвы или бошение как одна из традиций устной народной традиции, что можно наблюдать и в поэме Ходжу Кирмани.

Но, несмотря на то, что «Хумой и Хумоюн» написана в размере «Искандар-наме» Низами, в поэме больше ощущается влияние «Хусрава и Ширин» этого великого поэта. Содержание бейтов, посвященных в «Хумой и Хумоюне» прославлению Всевышнего и восхвалению пророка, по сути напоминают соответствующую часть поэмы Низами Низами «Хусрав и Ширин». Например:

Ходжу:

Якero диҳӣ болу хонӣ ба хеш,

Якero диҳӣ молу ронӣ зи пеш [14, с. 335].

Одному ты даёшь крылья и зовёшь к себе,

Другого одариваешь добром и отталкиваешь [14, с. 335].

Низами:

Якero пой бишкастию хондӣ,

Якero болу пар додию рондӣ [8, с. 32].

Одному сломал ноги и призвал к себе,

Одному ты дал крылья и перья и прогнал [8, с. 32].

Ходжу:

Надонам чӣ омам дар ин боргоҳ,

Ки дорам таманнои инъоми шоҳ.

Кадомин ғуборам бар ин раҳгузор,

Ки бар ман кунад боди лутфат гузор [14, с. 336].

Не знаю: если я не подлежу быть избранным (двора),

Почему желаю награды шаха?

Что за пыль я на этой дороге,

Чтобы меня объяло дуновение твоей милости? [14, с. 336].

Низами:

Надонам, то мани мискин кадомам,

Зи маҳрумону макбулон чи номам [4, с. 32].

Не знаю, что я за бедолага?

Отношусь к приближенным или отверженным? [8, с. 32].

Как видно из приведенных выше бейтов, восприимчивость Ходжу Кирмани к стилю Низами в этой части поэмы выражается не только в использовании одинаковых смыслов, но и в употреблении одинаковой лексики. Так, из девяти слов бейта Низами в первом бейте Ходжу повторяются пять: «якero» (два раза), «бол», «хони», «рони». Другими словами, в бейте Ходжу употребляется 50 процентов слов из бейта Низами. Во втором бейте Ходжу степень лексической восприимчивости ниже. Однако данные примеры свидетельствуют, что восприимчивость Ходжу к поэмам Низами была довольно высокой.

В поэмах «Хусрав и Ширин» и «Хумой и Хумоюн» их авторы изложили причины написания книги, как это было принято в Средние века. Интерес вызывает сходство мотивов Ходжу с мотивами Низами при сочинении поэмы.

В «Хумой и Хумоюне» Ходжу вспоминает ночь, когда он задумался о том, что его жизненный путь может завершиться, а он не успеет оставить после себя что-нибудь на память людям. Когда он засыпает, то видит во сне очень красивую и очаровательную лужайку, где грациозной походкой гуляет красавица в зеленом одеянии. Она, увидев Ходжу, просит его взяться за сочинение поэмы «Хумой и Хумоюн» [14, с. 358-359]. Низами в «Хусраве и Ширин» упоминает о тайном голосе или аисте-вестнике, который, увидев поэта, попросил его поторопиться и создать что-либо. Низами принимает совет и приступает к сочинению поэмы «Хусрав и Ширин» [8, с. 51].

Третья глава, названная **«Художественные особенности «Хумой и Хумоюна»**, состоит из двух разделов. В первом разделе третьей главы, названной **«Язык и стиль поэмы»**, исследуется манера изложения поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани. В частности, подчеркивается, что в поэме «Хумой и Хумоюн» в соответствии с требованиями иракского стиля повсеместно употребляется научная терминология, двукомпонентные и трехкомпонентные арабские слова, искусственный вычурный стиль. Использование арабских слов и описательных словосочетаний имеет тематическую привязку и соответствуют содержанию поэмы. Так, в восхвалении пророка Мухаммеда Ходжу поневоле использует арабскую лексику, словосочетания, приводит коранические аяты и таким образом демонстрирует величие деяний пророка. Такую же ситуацию можно наблюдать в других частях поэмы, посвященных восхвалению и молитвенному обращению к Богу. Другим случаем использования арабской речи в поэме можно считать приведение автором арабского мисра или бейта, имеющего хвалебный характер. Однако хвалебные арабские бейты встречаются только во вступительной части или в главах, посвященных прославлению.

При использовании исконно таджикских слов в «Хумой и Хумоюне» встречаются особенности, больше присущие хорасанскому, чем иракскому стилю. Так, в разделе «Сражения Хумоюна с царевной Хумой» [14, с. 479-481], состоящего из 430 слов, встречается всего 21 арабское слово, что составляет 4,88 % от общего лексического объёма данного раздела. Одним из важных лексических и языковых отличий иракского стиля считается широкое использование тюркско-монгольской лексики. Однако использование тюркских слов в «Хумой и Хумоюне» имеет низкую частотность.

В поэме Ходжу мы насчитали всего семь случаев употребления тюркских слов: туграл, хокон, тугро, хон, байрак, яглик и санджак, которые использованы в большинстве случаев в соответствии с содержанием и смыслом конкретного раздела поэмы или связаны с излагаемым материалом.

«Хумой и Хумоюн» относится к числу поэм, где использованы различные научные термины. Так как Ходжу Кирмани был сведущ в астрологии, в поэме очень часто встречаются астрологические термины. Использование научных

терминов в создании мотивов и тем считается одним из признаков индивидуального стиля Ходжу.

Другая стилевая особенность «Хумой и Хумоюн» связана со словосложением, ибо выбор слова и использование новых словосочетаний является составной частью стилевых особенностей каждого литератора. В поэме «Хумой и Хумоюн» наблюдаются многочисленные образцы авторского словообразования, которые являются признаком мастерства поэта и стилеобразующим элементом. Диссертант затрагивает проблему создания поэтом двух-, трех- и четырехкомпонентных сложных слов и аргументирует свои соображения многочисленными примерами.

Второй раздел третьей главы назван **«Художественные средства изображения поэмы»**. Автор подчеркивает, что Ходжу Кирмани в своем месневи массово использует художественные фигуры, тем самым демонстрируя высокое поэтическое мастерство. Частое использование сравнения, сроднения, метафоры, иносказания, повтора, реминисценции, других художественных средств изображения свидетельствует о поэтическом мастерстве Ходжу Кирмани. Он использует художественные средства изображения для демонстрации богатства своего поэтического дара.

Сроднение (таджнис) является одной из часто употребляемых и притягательных поэтических фигур в месневи «Хумой и Хумоюн», оказывающей большое влияние на изящество и плавность, красоту и утонченность изложения. Из всех разновидностей таджниса в поэме чаще всего встречаются полный таджнис, ущербный таджнис, составной таджнис, избыточный таджнис, графический таджнис. Данная фигура помогает продемонстрировать мастерство поэта, усилить музыкальность его речи и дать читателю возможность оценить индивидуальный творческий стиль литератора.

В «Хумой и Хумоюне» сравнение создает большие возможности для более наглядного отражения образа или демонстрации индивидуальных особенностей изображаемого предмета. В создании сравнений Ходжу Кирмани в основном следует традициям предшествующих поэтов. Но, несмотря на это, иногда в его сравнениях можно наблюдать проявление новаторства:

Дурафшон шуда маҳ бар ин сабзбоғ,

Чу дар дасти зангӣ фурузончароғ [14, с. 383].

Месяц осыпал жемчугами этот зеленый сад,

Как яркий светильник в руках чернокожего [14, с. 383].

Большинство сравнений, использованных Ходжу Кирмани в «Хумой и Хумоюне», – материальные и осязаемые. Ходжу обладает большим талантом уместного использования сравнений, большинство из которых являются плодом его воображения.

В поэме «Хумой и Хумоюн» многократно используются метафоры, которые поэт вводит в текст прежде всего для образности, наглядности и изящества изложения. Более того, метафора является одним из средств передачи мыслей поэта, свидетельствующим о высоте полета фантазии и широте творческого пространства литератора и придающим его слову особую прелесть и изящество.

В поэме метафора в основном используется в двух планах:

1. При помощи слова или словосочетания поэт упоминает влюбленного или возлюбленную. Эти слова и словосочетания обычно употребляются вместо имени возлюбленной. Традиционные метафоры наподобие «идол», «цветок», «уносящее сердце», «куропатка», «лунолика», «солнце», «газель», «пери», «периподобная», «кипарис», «красноречивая» (буквально «жующая сахар») и т.д. использовались в персидско-таджикской литературе и до Ходжу. Например:

Маликзода гуфт: – Эй **бути** ховарй,
Надонам чй кардй ба чодугарй
К-аз ин гуна шере шикори ту шуд,
Бар ин хоки рах хоксори ту шуд?! [14, с. 387]
*Принц сказал: «О идол восточный,
Я не знаю, что ты сделала (с помощью) волшебства,
Что такой лев стал твоей добычей
И предстал смиренным перед тобой?» [14, с. 387].*

2. Слова и словосочетания, употребляемые вместо элементов, подобающих описанию возлюбленной: «нарцисс», «миндаль», «газель» вместо глаз, «яхонт», «розовая вода» вместо слез, «кипарис», «прямой кипарис», «свободный кипарис», «самшит», «тополь», «туби» (райское дерево) вместо обрисовки стана и т.д.:

Ба чилва дароварда **шамшодро**,
Бале, **ростисарви озодро** [14, с. 403].
*Начала красоваться своим самшитом (то есть станом),
Воистину прямым кипарисом, свободным [14, с. 403].*

В поэме иногда с целью более ясного и четкого выражения мысли выбираются слово, или состав, или словосочетание, с помощью которых основная мысль изъясняется лучше. Данное слово или словосочетание неоднократно повторяется в бейте или в нескольких бейтах. В «Хумой и Хумоюне» из известных разновидностей повтора больше всего употребляется абсолютный повтор. В этой разновидности повтора повторяемые слова полностью совпадают по смыслу, однако не привязаны друг другу в составе предложения и каждое из них использовано самостоятельно. Например:

Ки эй рафта аз дида поят ба гил,
Хирад рафта аз дастат аз дасти дил [14, с. 389].
О, попавший в затруднительное положение от увиденного,
Из-за мук сердечных ты потерял разум [14, с. 389].

В этом бейте слово «*рафта*» в первой и во второй строке и слово «*даст*» во второй строке являются абсолютным повтором, ибо в тексте они используются в одинаковом значении, но одно слово не привязано к другому, то есть абсолютно свободно. Одновременно фигура повтора в поэме также является фактором, усиливающим её смысл.

В этом разделе также изложены соображения диссертанта о случаях использования в «Хумой и Хумоюне» фигур описания, уподобления, эпитетов,

гиперболы, аллитерации, тарси, свидетельствующих о поэтическом мастерстве поэта.

Заключение

На основе исследования жизни и творчества Ходжу Кирмани и месневи «Хумой и Хумоюн» можно сделать вывод, что, несмотря на исследования, осуществленные в отечественном и зарубежном литературоведении о ценности и значении творческого наследия Ходжу, его произведения, и поэма «Хумой и Хумоюн» в их числе, нуждаются в углубленном изучении.

Исследование идейно-художественных особенностей месневи «Хумой и Хумоюн» позволяет сделать следующие выводы:

1. Изучение имени, поэтического псевдонима и почетных прозвищ Ходжу Кирмани показывает, что в литературоведении нет единого мнения по данному вопросу. На основе анализа научных дискуссий по проблеме и с опорой на существующие источники можно определить, что Ходжу Кирмани в своих стихах четко фиксирует день, месяц и год своего рождения. Также Ходжу приводит полный вариант своего имени, что позволяет устранить все споры, возникшие по данному вопросу у предшествующих и нынешних исследователей. Поэтический псевдоним поэта «Ходжу» указывает на его принадлежность к высшей прослойке общества – ходжагон – и одновременно имеет непосредственную связь с кирманским говором персидского языка, что осталось вне поля зрения исследователей. Почетные титулы и прозвища Ходжу Кирмани – «Нахлбанди шуаро», «Халлокулмаони», «Маликул фузало» – указывают на его авторитет, поэтический дар и новаторские изыскания в поэзии [2-А].

2. До наших дней дошло значительное поэтическое наследие Ходжу Кирмани, достойное изучения и исследования. Ходжу Кирмани обладал высоким мастерством в сочинении газели и, без всякого сомнения, его можно поставить в один ряд с величайшими сочинителями газели той эпохи – ходжой Хафизом Ширази и шейхом Камолом Худжанди. Ходжу проявил высокий талант в создании поэтических произведений разных жанров, в том числе касыд, мусаммата, тарджебанда, таркиббанда, кит'а, рубаи, и внес весомый вклад в расширение и эволюцию указанных жанров. Поэтому Ходжу был при жизни и до сих пор остается одним из любимейших поэтов для любителей поэзии. Его вклад в развитие газели очень значителен [2-А; 6-А].

3. Ходжу Кирмани проявил чрезвычайное мастерство и поэтический в сочинении месневи, продолжив традицию создания «Пятерицы» в XIV веке и сочинив две любовно-романтические поэмы, «Хумой и Хумоюн» и «Гул и Нарӯз», так что был признан мастером и продолжателем творения любовно-романтических месневи [6-А].

4. Рукописные списки поэмы «Хумой и Хумоюн» хранятся в известных библиотеках России, Америки, Британии, Германии, Индии, Пакистана, Ирана, Турции, Азербайджана, Узбекистана и Таджикистана. Содержание каталогов рукописей свидетельствует, что в больших библиотеках мира в виде отдельных списков в составе «Куллията» и «Хамсе» поэта зарегистрированы 97 рукописей

месневи «Хумой и Хумоюн». Часть из них хранится в библиотеках Ирана [3-А; 4-А].

5. Знакомство с каталогами персидских рукописей и с исследованиями литераторов показывает, что в библиотеках разных городов мира хранятся 44 рукописных списка поэмы «Хумой и Хумоюн», в том числе в Конье – одна рукопись, в Стамбуле – 7 рукописей, в Тегеране – 1 рукопись, в Лондоне – два списка, в Мюнхене – одна рукопись, в Ташкенте – 3, в Калькутте – 1 рукопись [4-А].

6. Поэма «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани, подготовленная к изданию Камолом Айни на основе четырех рукописей, является первым текстом, составленным путем сличения рукописных списков, с 1398 х.ш./ 1970 года находится в распоряжении любителей литературы и до сегодняшнего дня сохраняет научную ценность. Однако текстологический анализ показал, что, независимо от метода критики и коррекции текста, избранного Камолом Айни, указания на разночтения на полях рукописи сохраняет возможность для улучшения и повышения качества редактирования текста [4-А].

7. «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани является новой поэмой в плане содержания в истории персидско-таджикской литературы. Хотя имена Хумой и Хумоюна несколько раз встречаются в «Шах-наме» Фирдоуси и «Хафт пайкар» Низами, в истории персидско-таджикской литературы до и после Ходжу никто из литераторов не написал отдельной поэмы на эту тему. Для поэмы «Хумой и Хумоюн» поэт избрал размер мутакариб мусамман махфуз/ максур (v--/v--/v--/v- / v ~). Этим размером до него была написана поэма «Шах-наме» Фирдоуси и «Искандар-наме» Низами. Своей поэмой Ходжу заложил основу для традиции сочинения любовных поэм в размере мутакариб [1-А; 8-А].

8. Источником для поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани послужили сюжет и содержание одной из древнеиранских сказок, на что поэт указывает в произведении [3-А].

9. О структуре поэмы необходимо сказать, что она отличается новизной в плане сюжета и содержания. В своем произведении Ходжу в большой степени остается под влиянием традиций сочинения поэм другими литераторами. Можно отчетливо отметить восприимчивость Ходжу при создании «Хумой и Хумоюна» к традициям Фирдоуси и Низами и создателей поэм XIII века. Однако нужно особо подчеркнуть, что его восприимчивость ограничивается методом работы и не распространяется на основу поэмы [6-А; 8-А].

10. Несмотря на то, что большинство исследователей отмечают влияние Низами на Ходжу Кирмани в создании «Хумой и Хумоюна», ради справедливости необходимо сказать, что Ходжу ввел в поэму значительные изменения. [6-А].

11. Сопоставительное изучение месневи «Хумой и Хумоюн» Ходжу и «Хусрава и Ширин» Низами показывает, что Ходжу в большой степени находится под влиянием поэмы «Хусрав и Ширин», из-за чего некоторые учёные считают исследованное творение поэтическим ответом (назира) на «Хусрава и Ширин». Однако, несмотря на общность, существующую между этими поэмами, мы не можем утверждать, что Ходжу является подражателем

Низами и не проявил в поэме собственное поэтическое мастерство. Ходжу является успешным последователем Низами и при изложении событий поэмы прилагает усилия, чтобы продемонстрировать свой талант, достигнув определенного успеха. Во всех эпизодах Ходжу старается изложить любовную историю лучше и притягательнее предшественников, и особенно Низами [6-А; 7-А].

12. Манера изложения Ходжу Кирмани в поэме «Хумой и Хумоюн» связана с распространением в эпоху жизни литератора, в XIV веке, иракского стиля. Использование научных терминов, двух-, трех- и четырехкомпонентных арабских слов, манерность изложения в «Хумой и Хумоюне» обусловлены требованиями иракского стиля. Однако все это не нарушает восприятия поэмы и в ходе чтения месневи читатель не чувствует усталости. Для изложения своей поэтической задумки Ходжу с большим мастерством использует словесные и смысловые художественные фигуры и некоторые элементы хорасанского стиля, разнообразие которых устраняет возможные тягостные психологические ощущения [5-А; 7-А].

13. В использовании исконно таджикской лексики в «Хумой и Хумоюне» в большей мере наблюдаются особенности хорасанского литературного стиля, чем иракского, хотя Ходжу проявляет большую склонность к использованию арабских слов и терминов или двух-, трех-, четырехкомпонентных слов [1-А].

14. В поэме «Хумой и Хумоюн» можно наблюдать употребление тюрко-монгольской лексики, что, в отличие от хорасанского стиля, присуще иракскому стилю. Использование тюрко-монгольской лексики не имеет большой частотности: поэт в основном использует малоупотребительные тюркские слова. Их употребление в большинстве случаев является требованием содержания поэмы и связано с изображаемыми эпизодами [3-А; 9-А].

15. Изучение особенностей художественного мастерства в «Хумой и Хумоюне» приводит к выводу, что Ходжу украшает произведение с помощью поэтических фигур и художественных элементов. Использование в «Хумой и Хумоюне» художественных фигур сроднения, сравнения, метафор, гиперболы, повторов, описания и уподобления эпитетов содействует украшению поэтической речи и демонстрирует поэтическое мастерство Ходжу Кирмани [5-А; 7-А].

Рекомендации по практическому использованию результатов исследования

Из изучения материала и анализа рассмотренных в диссертации проблем исходит, что данная работа является первым всесторонним исследованием текстологических вопросов и поэтики месневи «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани. Рекомендуются следующие предложения по практическому использованию результатов:

1. Диссертацию можно использовать для изучения литературы XIV века, выявления особенностей поэтических произведений, в том числе поэм данного века, раскрытия проблем текстологии и поэтики поэтических произведений.

2. Изложенный в диссертации материал может быть использован для ознакомления широких кругов любителей художественной литературы с новыми аспектами жизни и творческой деятельности Ходжу Кирмани и его мастерством в сочинении поэм.

3. Опираясь на древнейшие авторитетные рукописные списки, можно содействовать подготовке и изданию научно-критического текста поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани и в целом его «Пятерицы» на кириллице с привлечением отечественных и зарубежных исследователей.

4. На основе выводов диссертации можно изучить тематические и структурные связи поэмы Ходжу с другими поэмами персидско-таджикской литературы.

5. Выводы и результаты исследования можно использовать в практике литературоведческой науки, особенно в процессе преподавания литературоведческих тем, связанных с историей таджикской классической литературы, кодикологией, текстологией, источниковедением, поэтическими особенностями и филологическим анализом текстов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айнӣ, К. Бист гуфтор аз маънавият / К. Айнӣ. – Душанбе: Адиб, 2004. – 240 с.
2. Айнӣ, К. Хочуи Кирмонӣ ва девони ӯ [Матн] / К. Айнӣ // Дирӯз ва имрӯз. – Душанбе: Адиб, 1989. – С. 51-93.
3. Айнӣ, К. Ҳофиз ва тарзи сухани Хочу [Матн] / К. Айнӣ // Садои Шарқ. – 1971. – № 4. – С. 77-73.
4. Алиев, Г.Ю. Темы и сюжеты Низами в литературах народов Востока [Текст] / Г.Ю. Алиев. – М.: Наука, 1985. – 338 с.
5. Аллахвердиева, З.А. Сравнительное исследование на материале месневи «Хосров и Ширин» Низами Гянджеви и «Гюль и Новруз» Хаджу Кирмани [Текст] / З.А. Аллахвердиева // The Eighth International Congress on Social Sciences and Humanities (Vienna, 02 августа 2016 г.). – Vienna: East West Association for Advanced Studies and Higher Education, 2016. – С. 97-104.
6. Бекдилӣ, Л.О. Оташкада [Матн] / Лутфалибеки Озар Бекдилӣ. Бо эҳтимоми Ҳ.Н. Содот. – Техрон: Асотир, 1389. – 1154 с.
7. Босвард, К.Е. Силсилаҳои исломӣ [Матн] / К.Е. Босвард. – Техрон, 1959. – 358 с.
8. Ганҷавӣ, Н. Куллийёт. Иборат аз 5 ҷилд. Ҷ. 1 [Матн] / Н. Ганҷавӣ. Ба ҷоп тайёркунанда, муаллифи сарсухан: З. Аҳрорӣ. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 464 с.
9. Ганҷавӣ, Н. Куллийёт. Иборат аз 5 ҷилд. Ҷ. 3 [Матн] / Н. Ганҷавӣ. Ба ҷоп тайёркунанда, муаллифи сарсухан ва мураттиби луғату тавзеҳот: А. Афсаҳзод. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 416 с.
10. Ёҳаққӣ, М. Фарҳанги асотир ва дostonвораҳо [Матн] / Муҳаммадҷаъфар Ёҳаққӣ. – Душанбе: Пайванд, 2013. – 987 с.
11. Зарринқӯб, А. Дидор бо Каъбаи ҷон [Матн] / А. Зарринқӯб. – Техрон, 1389. – 224 с.
12. Кирмонӣ, Х. Ҳумой ва Ҳумоюн [Матн] / Х. Кирмонӣ. Нусхаи хаттии Китобхонаи Байериши Бовария. – Шероз, 1428. – 256 с.
13. Кирмонӣ, Х. Хамса [Матн] / Х. Кирмонӣ. Бо тасҳеҳи С.Н. Кирмонӣ. – Кирмон, 1370. – 806 с.
14. Кирмонӣ, Х. Хамса [Матн] / Х. Кирмонӣ. Таҳия ва тавзеҳи Б. Раҳматов, О. Оқилов, Ш. Олимова. – Хучанд: Хуросон, 2017. – 880 с.
15. Кирмонӣ, Х. Ҳумой ва Ҳумоюн [Матн] / Х. Кирмонӣ. Бо тасҳеҳи К. Айнӣ. – Техрон: Интишороти бунёди фарҳанги Эрон, 1347. – 255 с.
16. Кирмонӣ, Х. Хамса [Матн] / Х. Кирмонӣ. Бо тасҳеҳи С.Н. Кирмонӣ. – Кирмон, 1370. – 806 с.
17. Кирмонӣ, Х. Девони ашъор. Чопи дувум [Матн] / Х. Кирмонӣ. Ба тасҳеҳ ва муқаддимаи А.С. Хонсорӣ. – Техрон: Марв, 1369. – 932 с.
18. Кирмонӣ, Х. Гул ва Наврӯз [Матн] / Х. Кирмонӣ. Бо эҳтимом ва кӯшиши К. Айнӣ. – Техрон: Интишороти бунёди фарҳанги Эрон, 1350. – 273 с.
19. Кирмонӣ, Х. Ашъори хоста [Матн] / Х. Кирмонӣ. Тартибдодаи К. Айнӣ // Садои Шарқ. – 1968. – №6. – С. 118-136.

20. Кязимов, М.Д. Последователи Низами: с проблемами назире в персоязычной литературе XII-XVI вв. [Текст] / М.Д. Кязимов. – Баку: Азернешр, 1991. – 232 с.
21. Қазвинӣ, А.Ф. Майхона [Матн] / А.Ф. Қазвинӣ. Бо эҳтимоми А.Г. Маонӣ. – Техрон: Иқбол, 1391. – 1052 с.
22. Муин, М. Нуктадоне базлагӯ чун Ҳофизи ширинсухан [Матн] / М. Муин. – Техрон, 1349. – 512 с.
23. Мунзавӣ, А. Феҳриствораи китобҳои форсӣ. Иборат аз 10 ҷилд. Ҷ. 2 [Матн] / А. Мунзавӣ. – Техрон: Маркази доиратулмаорифи бузурги исломӣ, 1382. – 793 с.
24. Мусулмониён, Р. Назарияи адабиёт [Матн] / Р. Мусулмониён. – Душанбе: Маориф, 1990. – 334 с.
25. Нуъмонӣ, А.Ш. Шеър-ул-Аҷам [Матн] / А.Ш. Нуъмонӣ. Тарҷумаи Сайид Муҳаммадтақӣ Фаҳри Доии Гелонӣ. – Техрон: Меҳр, 1335. – 288 с.
26. Поризӣ, М.Б. Хоҷагони Кирмон [Матн] / М.Б. Поризӣ // Нахлбанди шуаро. Маҷмуи мақолоти кунгураи ҷаҳонии бузургдошти Ҳоҷи Кирмонӣ. 23 ило 26 меҳрмоҳи 1370. Ҷ. 1. – Кирмон: Маркази Кирмоншиносӣ, 1379. – С. 103-110.
27. Розӣ, А.А. Ҳафт иқлим [Матн] / А.А. Розӣ. Бо кӯшиши М. Тоҳирӣ [Ҳасрат]. – Техрон, 1378. Ҷ. 1. – 539 с.; Ҷ. 2. – 937 с.; Ҷ. 3. – 391 с.
28. Рипко, Я. Таърихи адабиёти Эрон. Аз даврони бостон то Қочория [Матн] / Я. Рипко. Тарҷумаи Исо Шаҳобӣ. – Техрон: Илмӣ ва фарҳангӣ, 1381. – 494 с.
29. Самарқандӣ, Д. Тазкират-уш-шуаро [Матн] / Д. Самарқандӣ. Таҳияи М. Нуруллоева. – Хучанд: Ношир, 2015. – 544 с.
30. Сафо, З. Таърихи адабиёт дар Эрон. Ҷ. 3. Қ. 2 [Матн] / З. Сафо. – Техрон: Фирдавс, 1390. – 1463 с.
31. Сутуда, М. Фарҳанги Кирмон [Матн] / М. Сутуда. – Техрон: Фарҳанги Эронзамин, 1335 [1957]. – 225 с.
32. Сайфиев, Н. Достонсароии форсу тоҷик дар асри XIV. Қ. 1 [Матн] / Н. Сайфиев. – Душанбе: ИДПД ба номи Т.Г. Шевченко, 1983. – 112 с.
33. Сайфиев, Н. Достонсароии форсу тоҷик дар асри XIV. Қ. 2 [Матн] / Н. Сайфиев. – Душанбе, 1989. – 126 с.
34. Сайфиев, Н. Проблемаи ишқ дар маснавиҳои «Гулу Наврӯз» [Матн] / Н. Сайфиев // Аз таърихи афкори адабии халқи тоҷик. – Душанбе: ИДПД ба номи Т.Г. Шевченко, 1977. – С. 142-156.
35. Сайфиев, Н. Основные направления развития романтического эпоса и сюжет легенды «Гул и Наврӯз» в персидско-таджикской поэзии XIV века. Автореф. дисс... д-ра филол. наук: 10.01.03 [Текст] / Н. Сайфиев. – Душанбе, 1981. – 45 с.
36. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома. Иборат аз 9 ҷилд. Ҷ. 2 [Матн] / А. Фирдавсӣ. Таҳияи К. Айнӣ, З. Аҳрорӣ, Б. Сирус. – Душанбе: Адиб, 1987. – 319 с.
37. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома. Иборат аз 9 ҷилд. Ҷ. 5 [Матн] / А. Фирдавсӣ. Таҳияи К. Айнӣ, З. Аҳрорӣ, Б. Сирус. – Душанбе: Адиб, 1989. – 274 с.

38. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома. Иборат аз 9 ҷилд. Ҷ. 6 [Матн] / А. Фирдавсӣ. Таҳияи К. Айнӣ, З. Аҳрорӣ, Б. Сирус. – Душанбе: Адиб, 1989. – 552 с.
39. Фирдавсӣ, А. Шоҳнома. Иборат аз 9 ҷилд. Ҷ. 7 [Матн] / А. Фирдавсӣ. Таҳияи К. Айнӣ, З. Аҳрорӣ, Б. Сирус. – Душанбе: Адиб, 1989. – 656 с.
40. Хуррамшоҳӣ, Б. Ҳофизнома. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. 1. Шарҳи алфоз, аълом, мафохими калидӣ ва абёти душвори Ҳофиз [Матн] / Б. Хуррамшоҳӣ. – Техрон, 1383. – 764 с.
41. Ҷомӣ, А. Баҳористон. Осор. Иборат аз ҳашт ҷилд. Ҷ. 7 [Матн] / А. Ҷомӣ. – Душанбе: Адиб, 1989. – 544 с.
42. Шерозӣ, Ҳ. Куллиёт [Матн]/ Ҳ. Шерозӣ. Мураттиб: Ҷ. Шанбезода. – Душанбе: Ирфон, 1983. – 227 с.
43. [www. farazh.tj/sahifai-asosy/tarih/somnoma-i-ho-u-va-sunnati-pajrav-ba-sho-noma/](http://www.farazh.tj/sahifai-asosy/tarih/somnoma-i-ho-u-va-sunnati-pajrav-ba-sho-noma/)
44. <https://dehkhoda.ut.ac.ir/fa/dictionary/>
45. [www.rch.ac.ir /article/Details?id=8811»](http://www.rch.ac.ir/article/Details?id=8811)

Публикация научных работ по теме диссертации

I. Публикации автора в рецензируемых журналах Высшей аттестационной комиссии при Президенте Республики Таджикистан:

[1-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Вижагиҳои сохторӣ ва мундариҷавии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2016. – №3 (48). – С.135-138.

[2-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Баъзе кайдҳо дар бораи номи аслӣ, таҳаллус ва алқоби Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2019. – №4 (61). – С.97-103.

[3-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Чанд мулоҳиза оид ба сарчашмаи достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – Хучанд, 2020. – №1 (82). – С.79-85.

[4-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.), Тоҷибоев, Ш.Ғ. Нусхашиносии «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / Ш.Ғ. Тоҷибоев, М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ. – Хучанд, 2021. – №1 (86). – С.42-52.

[5-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Такрор ва анвои он дар достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2022. – №1 (70). – С.120-124.

[6-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Таъсири «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ бар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Номаи донишгоҳ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ ва ҷомеашиносӣ. – Хучанд, 2024. – №1 (78). – С.237-244.

II. Статьи автора в сборниках и других научных журналах:

[7-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Таҷнис ва анвои он дар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Сӣ соли пуршараф. Маҷмуаи мақолаҳо оид ба масъалаҳои рушди сиёсат, иҷтимоӣ, иқтисод, фарҳанг ва илму маориф бахшида ба 30-солагии Истиқлолияти давлатии Ҷумҳурии Тоҷикистон. – Хучанд, 2021. – С. 291-299.

[8-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.) Влияние Фирдоуси на «Хумай и Хумаюн» Ходжу Кирмани / М.М. Ашӯрова (М.М. Муҳаммадзода) // Цифровизация общества: трансформация повседневных практик и исследовательских перспектив. Сборник научных трудов по материалам международной научно-практической конференции (г. Белгород, 2024. – 30 сентября). – Белгород, 2024. – С. 5-10.

[9-А]. Ашӯрова, М.М. (Муҳаммадзода, М.М.), Тоҷибоев, Ш.Ғ. Истилоҳоти нучум дар «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова, Ш.Ғ. Тоҷибоев (М.М. Муҳаммадзода) // Созидательный импульс

развития современной науки. Сборник статей III международной научно-практической конференции (г. Петрозаводск, 2024. – 14 октября). – Петрозаводск, 2024. – С. 128-132.

[10-А]. Ашӯрова, М.М. (Мухаммадзода, М.М.). Нигоҳе ба мухтавои достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова (М.М. Мухаммадзода) // Чустучӯҳои илмӣ (Маводи конференсияи илмӣ-назариявӣ ҷумҳуриявӣ, ба ифтихори 80-солагии профессор С.Саидов). – Душанбе: ДДОТ ба номи С. Айни, 2025. – С.177-185.

[11-А]. Ашӯрова, М.М. (Мухаммадзода, М.М.). Вижагиҳои забонӣ ва сабкии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳочуи Кирмонӣ / М.М. Ашӯрова, (М.М. Мухаммадзода) // Боқӣ Раҳимзода ва муҳити адабии садаи XX (Маводи конференсияи илмӣ-амалии ҷумҳуриявӣ дар мавзӯи «Боқӣ Раҳимзода ва муҳити адабии садаи XX»). – Душанбе: ДДОТ ба номи С. Айни, 2025. – С.232-242.

Аннотатсияи

кори диссертатсионии **Муҳаммадзода Маърифат Муҳаммадҷон** дар мавзуи «**Масъалаҳои матншиносӣ ва поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳоҷуи Кирмонӣ**» барои дарёфти дараҷаи илмӣ номзади илмҳои филологӣ аз рӯи ихтисоси 10.01.00 – Адабиётшиносӣ (10.01.08 – Назарияи адабиёт. Матншиносӣ, нусхашиносӣ)

Калидвожаҳо: *адабиёти тоҷик дар асри XIV, Ҳоҷуи Кирмонӣ, достон, «Ҳумой ва Ҳумоюн», нусха, матншиносӣ, сарчашма, сюжет, забон, сабк, воситаҳои тасвир.*

Мақсади асосии таълифи ин диссертатсияро таҳқиқи масъалаҳои матншиносӣ ва поэтикии достони «Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳоҷуи Кирмонӣ ташкил менамояд. Бо назардошти фарогирии масъалаи ёдшуда ба нақду баррасии нусхаҳои хаттӣ ва чопшудаи достони мавриди назар, сохтору сарчашма, вижагиҳои адабию бадеӣ ва услубии он аз нигоҳи маҳорати адабӣ низ таваҷҷуҳи хос зоҳир шудааст.

Муаллиф бо муруре ба рӯзгор ва осори Ҳоҷу номи асли, лақабу унвонҳои фахрӣ ва таҳаллуси адабии ӯ ки боиси нуфузи манзалати фардӣ хунарии ӯ шудаанд, бар асоси сарчашмаҳои адабӣ таърихӣ фактҳои тозаеро ироа намуда, оид ба нусхаҳои хаттӣ чопии «Ҳумой ва Ҳумоюн», матншиносии он, сарчашмаи асар, сохтору муҳтаво, навовариву ибтикороти шоир, таъсирпазирии муаллифи достон аз достонҳои дигари адабиёти форсу тоҷик, шеваи баён ва сабки нигориши достон, бо диду назари нав мулоҳиза рондааст.

«Ҳумой ва Ҳумоюн» аз аввалин достонҳои Ҳоҷуи Кирмонӣ ва чорумин маснавӣ дар «Ҳамса»-и ӯ буда, 44 нусхаи хаттӣ ва 3 наشري литографию сангӣ, дорад, ки аз рӯи онҳо то имрӯз се маротиба чоп шудааст, аммо бо вучуди ин ҳама достони мазкур аз нигоҳи нусхашиносӣ ва тасҳеҳу нашр мавриди арзёбии илмӣ қарор нагирифтааст. Асар ҳарчанд дар ҷавобияи «Хусрав ва Ширин»-и Низомӣ гуфта шудааст, аммо дар вазни достонҳои ҳамосӣ –мутақорибӣ мусаммани маҳзуф(максур) ба силки назм кашида шудааст, ки аз ибтикороти Ҳоҷу ба ҳисоб меравад.

«Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳоҷуи Кирмонӣ бар пояи суҷаву мазмуни афсонаҳои қадими эронӣ ба зухур омадааст, ки ин нукта арзиши бадеиву таърихӣ ин асарро ба маротиб афзун менамояд. Таҳлили вижагиҳои сохторӣ ва мавзӯву муҳтавои достони «Ҳумой ва Ҳумоюн» муқаррар намуд, ки суҷети достон аз рӯи сохтору таркиб мураккаб буда, дар ин мавзӯ то Ҳоҷу дар адабиёти форсу тоҷик маснавию суруда нашудааст. Ҳоҷу дар эҷоди достони хеш аз таҷрибаву маҳоратҳои достонпардозии маснависароёни қабл аз худ баҳра бардоштааст, ки умумият ва фардияти достонпардозии шоир дар диссертатсия муайян карда шудааст.

«Ҳумой ва Ҳумоюн»-и Ҳоҷуи Кирмонӣ бо сабки ҷолиб таълиф ёфта, аз нигоҳи истифодаи орояҳои адабӣ ва хунари шоирӣ хеле ҷолиб ба назар мерасад. Қорбурди анвои гуногуни ҷинос, ташбеҳ, истиора ва муболиғаву саноеи дигари бадеӣ ба тазоҳуни хунари суҳангустарии Ҳоҷуи Кирмонӣ таъкид меварзанд.

Маводи диссертатсия ва ҳулосаҳои муаллиф метавонанд дар таҳияи китобҳои дарсӣ барои мактабҳои олий, хондани курсҳои махсус аз таърихи адабиёти форс - тоҷик, сабкшиносӣ ва назарияи адабиёт, навиштани қорҳои курсӣ ва рисолаи хатм ёрӣ мерасонад.

Аннотация

диссертационной работы **Мухаммадзода Маърифат Мухаммаджон** на тему **«Проблемы текстологии и поэтики поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани»**, представленной к защите на соискание учёной степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.00 – Литературоведение (10.01.08 – Теория литературы. Текстология, кодикология)

Ключевые слова: *таджикская литература XVI века, Ходжу Кирмани, поэма «Хумой и Хумоюн», копия, текстология, источник, сюжет, язык, стиль, средства изображения*

Основную цель диссертации составляют проблемы текстологии и поэтики поэмы «Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани. С учетом разработки указанной проблемы уделено особое внимание изучению и критике рукописных списков и печатных публикаций рассматриваемой поэмы, её структуре и источникам, литературно-художественным и стилевым особенностям с точки зрения художественного мастерства.

Рассмотрев жизнь и творчество Ходжу Кирмани на основе литературно-исторических источников, диссертант приводит новые факты о настоящем имени, прозвище, почетных званиях и литературном псевдониме поэта, которые обусловили его поэтическую известность, и с новой точки зрения рассуждает о рукописных списках и публикациях поэмы «Хумой и Хумоюн», о её текстологии, источниках произведения, структуре и содержании, о новизне и починах поэта, его восприимчивости к другим поэмам, созданным в таджикско-персидской литературе, стиле изложения и манере письма.

«Хумой и Хумоюн» – первая поэма из «Пятерицы» Ходжу Кирмани и четвертое месневи в «Хамсе» поэта. Имеется 44 рукописных списка и три литографических издания месневи, на основе которых к сегодняшнему дню поэма издана уже трижды. Несмотря на это, данная поэма не становилась объектом научного исследования с точки зрения её кодификации, коррекции текста и его издания. Хотя она написана в ответ на поэму Низами «Хусрав и Ширин», поэт выбрал для её создания размер эпических поэм – мутакориб мусамман махзуф (максур), что является новаторством Ходжу Кирмани.

«Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани основывается на сюжете и содержании древнеиранских сказок, что в многократно повышает художественно-историческую ценность поэмы. Анализ структурных и тематическо-содержательных особенностей поэмы «Хумой и Хумоюн» показывает, что сюжет произведения очень сложен в плане структуры и состава и до Ходжу в персидско-таджикской литературе не было создано отдельного месневи на подобную тему. В диссертации установлены общие черты, характерные для составления поэм, и индивидуальные особенности поэта, проявленные в сложении месневи, и отмечено, что Ходжу использовал опыт и мастерство предшествующих представителей этого жанра.

«Хумой и Хумоюн» Ходжу Кирмани написана очень интересным стилем, поэтому вызывает особое внимание использование многочисленных разновидностей джиноса (сроднения), сравнения, метафоры, гиперболы и других художественных средств изображения, свидетельствующих о высоком поэтическом мастерстве Ходжу Кирмани.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что её материалы и выводы можно использовать при составлении учебников для высших школ, причтении спецкурсов по истории персидско-таджикской литературы, стилистике и теории литературы, при написании курсовых и дипломных работ.

Annotation

to **Muhammadzoda Marifat Muhammadjon**'s dissertational work on the topic entitled as **«Issues of Textology and Poetics of the Poem referred to as «Humoy and Humoyun» by Khoja Kirmani»** claiming for the defense of the degree of candidate of philological sciences in the specialty 10.01.00 – Literary Studies (10.01.08 – Literary Theory. Textual Studies, Copyology)

Keywords: *Tajik literature referring to the 16th century, Khoja Kirmani, «Humoy and Humoyun» poem, copy, textology, source, plot, language, style, means of depiction*

The main purpose of the dissertational work is the issues beset with textology and poetics of the poem referred to as «Humoy and Humoyun» by Khoja Kirmani. Taking into account the development of the issue in question, particular attention is paid to the study and critique of handwritten copies and printed publications of the relevant poem, its structure and sources, literary-belles-letters and stylistic peculiarities from the point of view of artistic mastership.

In the course of the conducted analysis dealing with Khoja Kirmani's life and creation based on literary-historical sources, the author of the dissertational work presents new facts about the poet's real name, nickname, honorary titles and literary pseudonym, which determined his poetic fame, and under the new angle discusses the manuscripts and publications of the relevant poem, its textology, sources of the work, structure and content, the poet's novelty and initiatives, his receptivity to other poems created in Tajik-Persian literature, the style of presentation and manner of writing.

«Humoy and Humoyun» being the first poem out of «Quinta» by Khoja Kirmani and the fourth mesnevi in the poet's «Khamsa». There are 44 handwritten copies and three lithographic editions of mesnevi, on the basis of which the poem has already been published three times up to date. Despite this, the poem in question has not been the object of scientific research in terms of its codification, text correction and publication. Although it was written in response to Nizami's poem called as «Khusrav and Shirin», the poet chose the size of epic poems for its creation - mutaqorib musamman mahzuf (maqsur), which is Khoja Kirmani's innovation.

«Humoy and Humoyun» by Khoja Kirmani is based on the plot and content of ancient Iranian fairy tales, which greatly increases the artistico-historical value of the poem. The analysis of the structural and thematic-content peculiarities of the relevant poem shows that the plot of the work is very complex in terms of structure and composition, and before Khoja, no separate mesnevi on a similar topic had been written in Persian-Tajik literature. The dissertation establishes the general features characteristic of composing poems and the poet's individual character, manifested in the composition of mesnevi, and underscores that Khoja used the experience and skill of previous representatives of the relevant genre.

«Humoy and Humoyun» by Khoja Kirmani is written in a very interesting style, therefore, the usage of numerous varieties of jinos (affinities), comparisons, metaphors, hyperbole and other artistic means of depiction, and attracts special attention to the testimony of Khoja Kirmani's higher poetic mastership.

The practical significance of the dissertational work is that its materials and conclusions can be used in compiling manuals for higher educational institutions, teaching special courses on the history of Persian-Tajik literature, stylistics and theory of literature, and in writing term papers and theses.